

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ КАЗЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ОРЛОВСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

ФОРМИРОВАНИЕ ЯЗЫКОВОЙ И СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ ОБУЧАЮЩИХСЯ: МЕТОДИЧЕСКИЙ И ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

*Сборник материалов
межвузовского научно - практического семинара
2 декабря 2011 г.*

В 3 частях

Часть 1

Орёл
ОрЮИ МВД России
2011

УДК 81
ББК 81.2
Ф79

Ф79 **«Формирование языковой и социокультурной компетенции обучающихся: методический и лингвистический аспекты» межвузовский науч.-практический семинар (2011; Орел). Сборник материалов межвузовского научно-практического семинара 2 декабря 2011 г. В 3-х частях. Ч.1 / под ред. к. филол. н., доц. Л. И. Анохиной. - Орел: Орловский юридический институт МВД России, 2011. - 67 с.**

Сборник подготовлен по материалам межвузовского научно-практического семинара, проходившего 2 декабря 2011 года на базе кафедры иностранных и русского языков Орловского юридического института Министерства внутренних дел Российской Федерации, посвящённого обсуждению проблемы формирования языковой и социокультурной компетенции обучающихся. Материалы, публикуемые в сборнике, дают возможность читателю познакомиться с воззрениями авторов статей – преподавателей различных вузов образовательных учреждений Министерства внутренних дел Российской Федерации и Министерства образования и науки Российской Федерации – на различные аспекты обсуждаемой проблемы. География участников семинара обширна.

Сборник адресован широкому кругу специалистов в области лингвистики и преподавания филологических дисциплин, а также аспирантам и адъюнктам, курсантам, слушателям и студентам – всем, кто интересуется вопросами языкознания и методики преподавания языков.

Материалы публикуются в авторской редакции.

УДК 81
ББК 81.2

© Орловский юридический
институт МВД России, 2011

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ I.

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ФОРМИРОВАНИЯ ЯЗЫКОВОЙ И СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ ОБУЧАЮЩИХСЯ

Анохина Л.И.

К ПОСТАНОВКЕ ВОПРОСА О СПЕЦИАЛЬНОМ ЮРИДИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ СОТРУДНИКА ГОСУДАРСТВЕННОЙ ИНСПЕКЦИИ БЕЗОПАСНОСТИ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ (ГИБДД)..... 5

Базавлук Л.М.

О НЕКОТОРЫХ СПЕЦИАЛИЗИРОВАННЫХ (ЮРИДИЧЕСКИХ) ЯЗЫКОВЫХ ВАРИАНТАХ В СИСТЕМЕ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЯЗЫКА..... 7

Булавина Н.В.

НОВООБРАЗОВАНИЯ С МОТИВАТОРОМ ИНОЯЗЫЧНЫМ СЛОВОМ (на примере изучения новообразований в средствах массовой информации)..... 8

Варлакова Т.В.

О СЕМАНТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЕ СЛОВА И ФРАЗЕОЛОГИЗМА..... 10

Власова Л.А.

РЕЧЕВЫЕ ПРИЁМЫ ВОЗДЕЙСТВИЯ НА АДРЕСАТА (из практики проведения лингвистических экспертиз)..... 16

Дурнева О.Н.

КОММУНИКАТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ВЫСКАЗЫВАНИЙ, СОДЕРЖАЩИХ РЕЧЕВОЙ АКТ УГРОЗЫ..... 19

Ефимова Т.Г., Енина И.Е.

ВЫРАЖЕНИЕ ОБЪЕКТНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ПОВЕСТИ Б.К.ЗАЙЦЕВА «АГРАФЕНА»..... 22

Имамутдинова Ф. Р.

ФОРМИРОВАНИЕ ДИСКУРСИВНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ БУДУЩЕГО СОТРУДНИКА ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ..... 26

Каграманян К.А.

ЯЗЫК КАК СРЕДСТВО МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ..... 29

Картелёва Л.И.

КОГНИТИВНО-КУЛЬТУРНЫЕ МОДЕЛИ САМОПРЕЗЕНТАЦИИ В РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ..... 32

Костромичева М.В.

КЛЕВЕТА В ОТНОШЕНИИ СУДЬИ: ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА ВЫСКАЗЫВАНИЯ..... 35

Костромичева М.В., Поваляева Т. Э.

ИНВЕКТИВНЫЕ ЗООМЕТАФОРЫ В СТИЛИСТИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ..... 38

Кузнецова О.Л.

ФОРМИРОВАНИЕ ЯЗЫКОВОЙ И КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ ИНОСТРАННЫХ СЛУШАТЕЛЕЙ..... 41

Мамедова Е.Г.

ОСОБЕННОСТИ СЕМАНТИКИ РАЗНОЯЗЫЧНЫХ ЭКВИВАЛЕНТНЫХ ПОСЛОВИЦ КАК ОДИН ИЗ ВАЖНЕЙШИХ АСПЕКТОВ СОПОСТАВИТЕЛЬНОЙ ПАРЕМИОЛОГИИ..... 44

Павленко Н.Б.

ПЕРЕВОД И КОНТЕКСТ..... 48

Панюшкин И.А. СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ПРИЕМЫ ПЕРЕВОДА В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ. ПРИЕМЫ ПЕРЕВОДА МЕТАФОРИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ.....	50
Рыбочкина Ю.Л. РЕКЛАМНЫЕ БАННЕРЫ В ИНТЕРНЕТЕ.....	56
Христова Н.А. ФОРМИРОВАНИЕ ЯЗЫКОВОЙ СПОСОБНОСТИ В ПРОЦЕССЕ ПЕРЕВОДЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ.....	59
Шашкова В.Н. ОПЫТ АНАЛИЗА ПРОЯВЛЕНИЙ МОДАЛЬНОГО ЗНАЧЕНИЯ ВОЗМОЖНОСТИ В УЧЕБНЫХ ТЕКСТАХ.....	63

РАЗДЕЛ I.

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ФОРМИРОВАНИЯ ЯЗЫКОВОЙ И СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ ОБУЧАЮЩИХСЯ

К ПОСТАНОВКЕ ВОПРОСА О СПЕЦИАЛЬНОМ ЮРИДИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ СОТРУДНИКА ГОСУДАРСТВЕННОЙ ИНСПЕКЦИИ БЕЗОПАСНОСТИ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ (ГИБДД)

Анохина Л.И.,

профессор кафедры, заведующий кафедрой иностранных и русского языков Орловского юридического института МВД России, к.филол.н., доцент

В соответствии с требованиями примерных программ «Иностранный язык» для образовательных учреждений МВД России для направлений подготовки (специальностей) 031001 Правоохранительная деятельность и 030901 Правовое обеспечение национальной безопасности в результате изучения дисциплины курсант (слушатель) должен иметь представление «... о структуре специального юридического дискурса и особенностях текстопостроения и текстовосприятия (ОК – 9, ОК – 15)»¹. Таким образом, речь идёт о наличии у обучающихся и специалистов дискурсивной компетентности, способствующей формированию и совершенствованию у них умений воспринимать и понимать сообщенную им информацию, а также самостоятельно осуществлять смысловое структурирование текста с большим количеством правовых понятий.

Орловский юридический институт МВД России (ОрЮИ МВД России) является профильным высшим учебным заведением, осуществляющим подготовку и повышение квалификации специалистов для Государственной инспекции безопасности дорожного движения. Качество выполнения сотрудником дорожной полиции оперативно-служебных задач во многом зависит от того, насколько высоко сформирована его языковая и социокультурная компетентность, развиты коммуникативные умения в рамках профессиональной деятельности. Важно, какими средствами общения он пользуется, проводя воспитательную работу с различными категориями граждан о необходимости соблюдения правил дорожного движения, участвуя в полицейских рейдах, инспектируя дорожное движение, выдавая предупреждения, запреты на вождение, составляя письма, судебные ордера, уведомления о штрафах, задерживая пьяного или неадекватно ведущего себя за рулём водителя. При анализе языкового общения сотрудника ГИБДД с участниками дорожного движения, являющегося коллективным взаимодействием, необходимо учитывать широкий социально-культурный контекст.

Разработке вопросов, связанных с изучением теории коммуникации, теории функциональной грамматики, теории функциональной семантики высказывания, теории дискурса, вопросов анализа речевого общения в разных сферах общественной практики, типологии коммуникации и моделирования коммуникативного процесса посвящено большое количество работ отечественных и зарубежных лингвистов. Распространение термина *дискурс* свидетельствует о кардинальных изменениях в восприятии языковых явлений и фактов, произошедших под влиянием различных прагматических течений в лингвистике. Это свидетельствует о том, что для современной науки о языке в определённой степени характерен отход от классического семантического восприятия языковых фактов.

¹ См.: 1) Примерная программа «Иностранный язык» для образовательных учреждений МВД России для направления подготовки (специальности) 031001 Правоохранительная деятельность. – М.: ДКГСК МВД России, 2011 – С. 5 и 2) Примерная программа «Иностранный язык» для образовательных учреждений МВД России для направления подготовки (специальности) 030901 Правовое обеспечение национальной безопасности. – М.: ДКГСК МВД России, 2011. – С. 5.

Один из основоположников теории дискурса, Т. ван Дейк, понимает его как сложное коммуникативное явление, включающее, кроме текста, еще и экстралингвистические факторы (знания о мире, мнения, установки, цели адресанта), необходимые для понимания текста. Достаточно полное определение «мира дискурса» можно найти у В.З. Демьянкова, который включает в него характеристики, относящиеся ко многим другим отраслям знаний, таким, как семиотика, теория коммуникации, социология, модальная логика. Наиболее распространенным и точным в настоящее время является понимание дискурса «... как речевого произведения, рассматриваемого во всей полноте своего выражения (вербального, невербального, паралингвистического) и определяемого экстралингвистическими факторами (социальным, культурным, психологическим и т. д.), существенными для речевого взаимодействия»¹.

К характеристикам дискурса принято, прежде всего, относить модульную (Э. Руле), корпусную (П. Серио), пространственную (Р. Вион) или аспектную (К.Ф. Седов) организацию его структуры. Дискурс-анализ как метод изучения речевого общения подразумевает учёт лингвистических особенностей текстов в процессе выделения, обоснования и спецификации критериев их функционально-прагматической типологии в соответствии с релевантными условиями протекания коммуникации. К таковым принято относить фонетико-просодические, лексические и синтаксические особенности речевых актов, реплик, обменов репликами, которые, в свою очередь, отражают прагматические особенности определённого дискурса. Задача лингвиста, изучающего особенности той или иной разновидности дискурса, состоит, в основном, «... в исследовании сочетаний речевых актов, образующих реплики, а также сочетаний реплик, в рамках диалогических обменов»². Задача же преподавателя языковой дисциплины в профессионально ориентированном вузе – акцентировать внимание обучающихся на тех особенностях, которые присущи изучаемому дискурсу, разработать методические пособия и дидактические материалы, которые помогут выработке дискурсивной компетенции будущего бакалавра, магистра или специалиста.

При рассмотрении дискурса как типа текста выделяют специальный (исследовательский), научно-популярный, дидактический (педагогический), правовой дискурсы. Каждый дискурс может быть представлен в виде многообразных ситуаций, которые образуют типы внутри дискурса. В современной специальной литературе принято выделять педагогический, политический, научный, критический, этический, юридический, военный, родительский и другие дискурсы.

Изучение дискурса можно проводить как в процессуально-динамическом, так и результатно-статическом аспектах. Нам представляется наиболее целесообразным изучение дискурса сотрудников ГИБДД в процессуально-динамическом аспекте. Как показывают предварительные исследования, изучаемый в ОрЮИ дискурс следует отнести к специальному юридическому дискурсу, представляющему собой социально стимулированную речевую деятельность, протекающую в сфере общественной коммуникации, связанной с обеспечением безопасности дорожного движения. Этот вид дискурса принадлежит к «прагматическим дискурсам», поскольку в нём актуализируются определенные коммуникативные стратегии. Так как, по мнению Дж.Л. Остина и Дж.Р. Серля, всякое высказывание направлено на изменение ситуации, можно констатировать, что дискурс является интерактивной формой действий. Это и само речевое произведение, и деятельность, представляющая собой процесс и результат одновременно. Речевое высказывание появляется как продукт мыслительной деятельности. Адресант и адресат координируют свои высказывания в соответствии с тем, какой эффект их слова производят на слушающего.

Важно отметить, что в качестве особого вида интенционального дискурса дискурс сотрудника ГИБДД носит и черты провокативного дискурса, если рассматривать провоцирование как заражение собеседника, чаще всего являющегося нарушителем правил дорожного

¹ См., напр.: Кудрявцева Н.Б.. К проблеме модульной организации дискурса (на материале французского языка) [Текст] // Иностранные языки в высшей школе. Вып. 3 (17). Рязань: ГОУ ВПО «РГУ имени С.А. Есенина», 2011. С.17.

² Там же, с. 15.

движения, интенциональным состоянием специалиста, призванного обеспечивать безопасность этого движения.

В соответствии со сказанным выше представляется целесообразным знакомить будущих и действующих служащих дорожной полиции со структурой специального юридического дискурса, речевыми жанрами, способными вызвать программируемый эффект, имеющий регулярный характер (прогнозируемость и программируемость), и возникновение сбалансированности интенциональных состояний коммуникантов. Это – комплексная задача, решение которой под силу не только преподавателям филологических дисциплин, но всему педагогическому коллективу института, включающему в себя как преподавателей социальных поведенческих дисциплин, так и педагогов, преподающих специальные предметы.

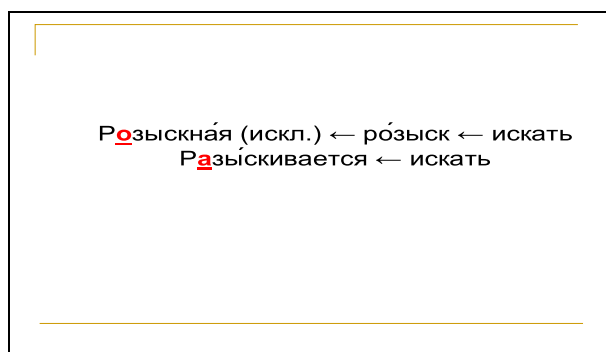
О НЕКОТОРЫХ СПЕЦИАЛИЗИРОВАННЫХ (ЮРИДИЧЕСКИХ) ЯЗЫКОВЫХ ВАРИАНТАХ В СИСТЕМЕ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЯЗЫКА

Базавлук Л.М.,

доцент кафедры иностранных и русского языков
Орловского юридического института МВД России,
к.филол.н., доцент

Меня часто спрашивают курсанты, как же всё-таки правильно – рОзыскной или рАзыскной? Суть вопроса объясняется тем, что в процессе подготовки какой-либо научной работы им встречаются оба написания, причём нами были отмечены случаи, когда это слово пишется по-разному в одном и том же документе! Ну это вообще нонсенс! Давайте, наконец, определимся.

В орфографических словарях и справочниках русского языка также наблюдается указанное разночтение (см., например: Соловьёв, Н.В. Орфографический словарь. Комментарий. Правила: справочник. – 3-е изд., испр. и доп. – СПб.: Норинт, 2000. – С. 461: *р^зыскной*; Орфографический словарь русского языка: 80 000 слов / Под ред. С.Г. Бархударова. – М.: Оникс; Мир и образование, 2005. – С. 595: *р^зыскной*). Д.Э. Розенталь пишет: «В приставках **раз-(рас-) – роз-(рос-)** без ударения пишется **а**, под ударением – **о**, например: *разли́в – ро́злив, расписáние – роспи́сь, рассу́пать – россу́ть (но: р^зыскной – от ро́зыск)». (См.: Розенталь, Д.Э. Справочник по орфографии и пунктуации. – Челябинск: Юж.-Урал. кн. изд-во; Саратов: Детская книга, 1994. – С. 35). То есть Дитмар Эльяшевич рассматривает данный случай как **исключение** из общего правила. Я с ним полностью согласен, поэтому использую при анализировании этого трудного случая орфографии по одноимённой теме следующий слайд:*

Почему же название одной из кафедр нашего института – «Кафедра оперативно-розыскной деятельности ОВД»? Ответ находим в письме-разъяснении из МВД России за подписью первого заместителя министра внутренних дел Российской Федерации, начальника СКМ, генерала-полковника милиции Р.Г. Нургалиева (исх. номер 1/4981 от 25.07.2003), в котором рекомендуется написание анализируемого слова через гласную «а». При этом делается

ссылка на мнение специалиста. А именно: был сделан соответствующий запрос в Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, откуда было получено разъяснение за подписью научного сотрудника сектора культуры русской речи, кандидата филологических наук Грунченко О.М., которая пишет, что по общему правилу в безударном положении в приставке пишется гласная «а», не упоминая об исключении из правил, при ответе ссылаясь на **проект** (выделено мной. – Л.Б.) «Свода правил русского правописания. Орфография. Пунктуация» (М.: Азбуковник, 2000. – С. 378-379). Я учился вместе с Оксаной Михайловной, знаю её как грамотного, очень умного специалиста, но сослаться на проект, по-моему, было нельзя... Отсюда и начались разночтения... Поэтому наши преподаватели, готовя локальный документ, пишут «оперативно-разыскная деятельность», а в статье, направляемой в любой другой (гражданский, неведомственный) вуз, – «оперативно-розыскная деятельность», то есть так, как значится в большинстве словарей русского языка (Ожегов, С.И., Шведова, Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – 4-е изд., доп. – М.: Азбуковник, 1997. – С. 683).

Филологи давно говорят о необходимости упрощения правил русского языка, а именно: об исключении исключений. Но пока дальше разговоров дело не пошло... И мы по-прежнему должны писать **жюри**, **брошюра**, **парашют**, **шов**, **шорох**, **капюшон**, **крыжовник**, **цыган**, **цыпочки**, **цыкнуть**, **цыплёнок**, **цыц**, **Ростов**, **отрасль** и т.д., в том числе и **розыскной**... Следовательно, проанализированный пример относится к группе языковых вариантов, один из которых является литературным, а другой – специализированным (юридическим).

Много специализированных вариантов произношения слов. Есть слова, специфическое ударение в которых традиционно принято только в узкопрофессиональной среде, в любой другой обстановке оно воспринимается как ошибка. Словарь фиксирует эти варианты. Например, в речи юристов очень распространено употребление следующих слов с отступлением от литературной формы: *возбуждено* вместо *возбужденó*, *осужденный* вместо *осу́ждённый*, *ходата́йство* вместо *ходáтайство*, *обеспечéние* вместо *обеспéчение*. Мной отмечено, что по-разному произносят последнее слово и первые лица нашей страны. Президент Российской Федерации Д.А. Медведев предпочитает использовать литературный вариант *обеспéчение*, в то время как Председатель Правительства В.В. Путин предпочитает разговорный вариант *обеспечéние*. Следовательно, налицо факт необходимости признания обоих вариантов правильными, равноправными.

Каждый учебный год во всех группах провожу проверочную работу по теме «Акцентологические нормы» и отмечаю достаточно большой процент ошибочных вариантов указанных выше слов, хотя и наблюдается тенденция к их сокращению. Что интересно: закончив курс «Русский язык в деловой и процессуальной документации», хорошо успевавшие курсанты начинают допускать на практике в этих словах ошибки, теоретически зная, как правильно. Вывод: им не хочется выделяться из общей массы, говоря литературно правильно, но не так, как принято в их профессиональной среде.

НОВООБРАЗОВАНИЯ С МОТИВАТОРОМ ИНОЯЗЫЧНЫМ СЛОВОМ (на примере изучения новообразований в средствах массовой информации)

Булавина Н.В.,

ассистент кафедры русского языка Орловского
государственного аграрного университета

В конце XX-XXI века лексический состав русского языка активно пополняется, в том числе и за счет проникновения в него иноязычных слов. Проникая в язык, заимствованная лексика прошла процесс «заимствования» и получает «укоренение» в языке. Тенденция к словообразованию иноязычных заимствований велика. Она активно развивается и у новых не зафиксированных заимствований, и у многих вновь возникающих словарных единиц. Словообразовательные процессы сначала протекают в устной речи, постепенно закрепляются в письменном языке и наиболее активно отражаются в газете. В статье рассматриваются

некоторые особенности образования отсубстантивной иноязычной лексики, для выявления которых были изучены газеты «Комсомольская правда», «Известия», «Жизнь» за 2000 - 2006 годы.

Наш фактический материал располагает 25 новообразованиями, которые мы и рассмотрим.

Под отсубстантивной иноязычной лексикой понимаются новые слова, образованные от иноязычных имен существительных.

Наиболее актуальным направлением словообразования в данном случае является адъективное, так как нами было выявлено 11 новых прилагательных, реже образуются существительные (9 новообразований) и глаголы (5 новых слов).

Многие иноязычные слова непосредственно при заимствовании образуют стандартные словообразовательные производные по давно существующим русским моделям.

Так, новые прилагательные образуются суффиксальным способом:

аутсорсинг **а́й** ← аутсорсинг,

бук **а́й** ← бук (к/к'),

геймер **а́й** ← гейм,

интернет **а́й** ← интернет,

мейнстрим **а́й** ← мейнстрим,

риелтер **а́й** ← риелтер,

рейтинг **а́й** ← рейтинг,

фьючер **а́й** ← фьючер,

фьючер **а́й** ← фьючер,

хакер **а́й** ← хакер.

При словообразовании мотивирующим является иноязычное существительное.

Существительные чаще образуются путем сложения основ без использования соединительных элементов. Например, новообразования *Интернет-компания*, *Интернет-пользователь*, *Интернет-публика*, *Интернет-ресурс*, *Интернет-связь* мотивируются иноязычным словом *Интернет* и существительными *компания*, *пользователь*, *публика*, *ресурс*, *связь*:

Интернет-компания ← Интернет, компания,

Интернет-пользователь ← Интернет, пользователь,

Интернет-публика ← Интернет, публика,

Интернет-ресурс ← Интернет, ресурс,

Интернет-связь ← Интернет, связь.

Продуктивно образуются существительные путем сложения усеченной основы прилагательного *европейский* и основы существительных *доллар*, *любовник*, *няня*, *поп* при помощи соединительной гласной -о-:

евр **о**доллар ← европейский, доллар,

евр **о**любовник ← европейский, любовник,

евр **о**няня ← европейский, няня,

евр **о**поп ← европейский, поп.

Некоторые новообразования (*евр олюбовник*, *евр оняня*, *евр опоп*) выражают шутливое, ироничное отношение авторов к европейскому качеству, европейскому стандарту, ко всему тому, о чем мечтают и для чего стараются. Это проявляется, например, в контексте: «В московском агентстве «Вторая мама» могут подыскать няню с нужным цветом глаз, блондинку, евр оняню с маникюром, загранпаспортом и личным автомобилем» (Известия, 19.04.2002). Шутливо журналисты назвали Шенгенских членов евр олюбовниками: «Выступления наших евр олюбовников сводились к тому, что россияне будут скакать с поезда на ходу, чтобы затеряться в пространствах объединенной Европы» (Известия, 01.06.2002).

В меньшей степени образуются отсубстантивные глаголы. Наш фактический материал располагает 5 новообразованиями. Глаголы *демпинговать*, *пиарить*, *презентовать*, *ту-*

совать, чатить мотивируются иноязычными существительными: *демпинг, пиар, презентация, тусовка, чат*, образуются суффиксальным способом:

демпинг *ѐаи́ть*, ← *демпинг*,
пиар *ѐть* ← *пиар* (р//р'),
презент *ѐаи́ть* ← *презентация*,
тусов *а́ть* ← *тусовка*,
чат *ѐть* ← *чат* (т//т').

Данные новообразования достаточно широко употребляются в газетных текстах, касающихся разных сфер. Например, глагол *презент ѐаи́ть* используется:

- в экономической сфере: «*Московское бюро Международной организации труда презент ѐаи́ю* программу, позволяющую рассчитать социальные и экономические последствия от ВИЧ на много лет вперед» (Известия, 27.05.2004),

- в компьютерной сфере: «*Высшая театральная премия Петербурга «Золотой софит» открыла свой сайт. Сегодня его презентуют публике»* (КП, 15.10.2002),

- в бытовой сфере: «*Для Ришара характерны легкость и свежесть продуктов, особое внимание к текстуре и умение эффектно презент ѐаи́ть* свои блюда» (КП, 06.11.2002),

- в медицине: «*Ассоциация международных фармацевтических производителей презент ѐаи́а* опрос 48 зарубежных и 5 российских фармфирм на тему «*Фальсифицированные лекарственные средства в Российской Федерации»* (Известия, 26.04.2002).

Достаточно частотным является употребление глагола *пиар ѐть*, которое мотивировано иноязычным существительным *пиар*. Слово *пиар* является аббревиатурой слова *публик рилейшнз* (англ. *public relations*), обозначает вид деятельности, направленный на формирование общественного мнения для осуществления какого-либо проекта. «*Актера Тома Круза так старательно раскручивали и пиарили целый год, что он успел основательно надоесть простым обывателям»* (Жизнь, №2, 2.11.2006). *Пиар* свободно сочетается с другими словами, например, *пиар-кампания, пиар-инструмент* («*Мы продолжаем сейчас пиар-кампанию «Яблока»* (Комсомольская правда, 26.11.2003); «*Такой концерт – отличный информационный повод для прессы, проверенный пиар-инструмент»* (Комсомольская правда, 10.01.2004).

Итак, наши наблюдения показывают, что употребление иноязычных слов, образованных от существительных, в современной газете – актуальный и продуктивный процесс. Использование заимствованных слов определяется частотностью их употребления: чем больше слова повторяются, тем быстрее расширяется сфера их употребления. Активно развивается словообразовательный процесс. Среди новых слов преобладают относительные прилагательные. Большинство новых слов образовано суффиксальным способом – 16 слов, второй по частотности – способ сложения 9 слов. При образовании новых слов происходят морфологические изменения: усечение производящей основы (*презент ѐаи́ть* ← *презентация*), чередование согласных по твердости – мягкости (*пиар ѐть* ← *пиар* (р//р')). Большинство заимствованных слов подвергается семантизации. Слова получают новые оттенки значений (например, *евр ѐлюбовник, евр ѐняня, евр ѐноп*).

Проведенный анализ показывает, что в русском языке активно идет процесс образования новых слов на базе заимствований. Некоторые из них не станут общеупотребительными, так как обладают яркой экспрессивностью (*евр ѐлюбовник*). Другие не воспринимаются как новые и уже сейчас активно употребляются (*презент ѐаи́ть, тусов а́ть, чат ѐть*).

О СЕМАНТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЕ СЛОВА И ФРАЗЕОЛОГИЗМА

Варлакова Т.В.,

доцент кафедры иностранных языков

Омской академии МВД России, к.филол.н., доцент

На современном этапе развития языкознания понятие «семантическая структура» является одним из основных. Данное понятие применимо для анализа значения как слова, так и

фразеологизма. О значении знака говорят, если последний обладает некоторым объемом информации, т. е. «значение в знаке возникает на основе его соотнесенности с референтом действительности»¹. Значение членится с помощью таких форм мышления, как понятие, предмет, предикат, атрибут и др. Сами по себе формы мышления, абстрагированные от их содержания, не несут какой-либо информации, но помогают организовать то, что входит в объем значения. Язык как особая система категорий отражения действительности характеризуется тем, что в нем представлен факт, но не мотивы анализа и синтеза. Имплицитно протекающие процессы референции и категоризации раскрываются путем компонентного анализа. Компонентный анализ определяется как «метод исследования содержательной стороны значимых единиц языка, разрабатываемых в рамках структурной семантики и имеющий целью разложение значения на минимальные семантические составляющие»² или как разложение семантической структуры единиц лексического, морфологического и синтаксического уровней на мельчайшие семантические элементы – семы³. При этом принцип объективности описания значений соблюдается на основе строгой иерархичности в изучении семантических элементов: элементы семантической структуры одного уровня раскрываются через сопоставление с элементами более высокого и более низкого уровней семантической структуры языковой единицы.

Многие ученые отмечают универсальный характер термина структура. Понятие структуры, широко применяемое в различных науках, обычно имеет в виду целостные единства, элементы которых связаны внутренней взаимообусловленностью таким образом, что само существование этих элементов и их качественные особенности обуславливаются строем данного целостного единства⁴. Совершенно правильно, на наш взгляд, ученые указывают на следующую особенность семантической структуры: семы, как правило, находятся в иерархических отношениях, однако как характер семантической структуры в целом, так и характер семы у единиц различных уровней неодинаков⁵.

Под семантической структурой слова понимается совокупность элементарных смыслов, «сем», составляющих это значение. Каждая сема представляет собой отражение в сознании носителей языка различительных черт, объективно присущих денотату либо приписываемых ему данной языковой средой и, следовательно, являющихся объективными по отношению к каждому говорящему⁶. Внутри семантической структуры слова, с точки зрения В. Н. Гака, устанавливается такая иерархия сем: 1) архисема – общая сема для родового значения: волк – одушевленное существо, приходить – действие); 2) дифференциальные семы видового значения двух типов: а) описательные, отражающие собственные свойства предмета, выделяемые на основании различий и сходств (форма, устройство, размеры предмета, способ совершения действия); б) относительные, отражающие связи различных объектов (функция, пространственные и временные отношения); 3) потенциальные семы, которые должны отражать потенциальные свойства предметов и актуализируются в определенных условиях. В. Г. Гак рассматривает семантические отношения в языке как отношения номинации и полагает, что для них характерна внутренняя противоречивость: «С одной стороны им свойственна устойчивость: слово, морфема обозначают определенный предмет, класс предметов или тип отношений. С другой стороны, они отличаются большой подвижностью:

¹ Мигирин В. Н. Гносеологические проблемы знаковой теории языка, фонологии и грамматики. – Кишинев, Штиинца, 1978. – С. 6.

² Кузнецов А. М. От компонентного анализа к компонентному синтезу. – М., 1986. – С. 15.

³ Гулыга Е. В., Шендельс Е. И. О компонентном анализе значимых единиц языка // Принципы и методы семантических исследований. – М., 1976. – С. 292.

⁴ Звегинцев В. А. Очерки по общему языкознанию. – М., 1962. – С. 65.

⁵ Гулыга Е. В., Шендельс Е. И. О компонентном анализе значимых единиц языка // Принципы и методы семантических исследований. – М., 1976. – С. 312.

⁶ Гак В. Г. К диалектике семантических отношений в языке // Принципы и методы семантических исследований. – М., 1976. – С. 79.

языковые формы легко меняют свою референциальную соотнесенность, порой и вообще утрачивают всякую связь с каким-либо референтом»¹.

В работах Л. М. Васильева, в частности в его книге «Значение в его отношении к системе языка», в качестве основной конкретной единицы семантического яруса называется семема. По мнению ученого, семема – это содержательный аналог, семантическая функция словоформы как основной единицы лексико-грамматического стратума. Структурными компонентами семемы являются семы и семантические множители. Первые представляют собой элементарные, монолитные, далее не делимые компоненты семем (такие, как «быть (бытие)», «предмет», «действие», «состояние», «отношение» и т. п.). Вторые – это непосредственно составляющие семемы. Л. М. Васильев разъясняет понятие семантического множителя на конкретном языковом примере: непосредственно составляющими семемы «юноша» являются семантические компоненты (семантические признаки) «молодой», «мужчина» и «обычно неженатый» (последний компонент имеет факультативный характер)².

А. М. Кузнецов предлагает выделять в структуре лексического значения в качестве составляющих минимальные единицы инвариантного уровня абстракции – семантические признаки; минимальные единицы вариантного уровня – семантические компоненты. Семантические признаки могут быть, как полагает ученый, двух типов, в зависимости от роли (различительной или объединительной) – дифференциальные и интегральные. Семантические компоненты А. М. Кузнецов разделяет на открытые – если данный смысловой единице соответствует отдельное звуковое или графическое выражение; скрытые – если в одной форме представлены несколько элементарных смыслов³. Исследуя структуру лексического значения, ученый отмечает два наиболее характерных свойства семантики: ее системно-структурную закрепленность, стабильность в языке и обращенность в сторону постоянно изменяющейся внеязыковой субстанции⁴. Многими лингвистами подчеркивается необходимость придания завершенности процессу компонентного анализа значения в каждом отдельном случае, разработки с этой целью способов проверки адекватности семантического анализа. Так, А. М. Кузнецов говорит, что в исконном терминологическом употреблении слово «анализ» обозначает «метод исследования, состоящий в том, что изучаемый предмет мысленно или практически расчленяется на составные элементы (признаки, свойства, отношения)... для того, чтобы выделенные в ходе анализа элементы соединить с помощью другого логического приема – синтеза – в целое, обогащенное, новыми знаниями»⁵.

Фразеологизм как языковая единица, функционирующая наряду со словом, имеет значение. Последнее обладает, в отличие от лексического, своей спецификой, которая признается многими лингвистами и описывается в таких понятиях, как

целостность;
номинативность;
системно-иерархический семный способ организации;
наличие внутренней формы;
образность.

Если такие свойства фразеологической семантики, как целостность, наличие внутренней формы, образность не являются в настоящее время предметом дискуссий, то относительно номинативного характера фразеологизмов существуют разные точки зрения.

Так, Н. Н. Амосова отмечает, что в подавляющем большинстве случаев фраземы выступают в речи как фиксированные единицы номинации⁶. А. М. Бабкин квалифицирует фразеологизм как семантическую единицу сложного порядка, эквивалентную слову, члену пред-

¹ Там же. – С. 73.

² Васильев Л. М. Значение в его отношении к системе языка: учебное пособие. – Уфа, 1985. – С.47–48.

³ Кузнецов А. М. От компонентного анализа к компонентному синтезу. – М., 1986. – С. 30.

⁴ Там же. – С. 71.

⁵ Там же. – С. 8.

⁶ Амосова Н. Н. Фраземы как разновидность фразеологических единиц английского языка // Проблемы фразеологии. Исследования и материалы / под ред. А. М. Бабкина. – М., 1964. – С. 136.

ложения. Но при этом подчеркивает, что «когда в речи при обозначении того или иного объекта или процесса используется фразеологизм, он обычно привлекается ради той эмоционально-экспрессивной выразительности, которую с собой привносит»¹.

Сказанное подтверждается, с точки зрения Ю. А. Гвоздарева, следующими языковыми фактами: 1) фразеологически связанное значение компонентов обнаруживается при авторском варьировании, когда в речи замещается один из постоянных компонентов фразеологической единицы без изменения общего значения; 2) существуют антонимические выражения, противопоставленные одним компонентом (с легкой руки – с тяжелой руки)². В связи с этим Ю. А. Гвоздарев выделяет типы компонентов фразеологической единицы, различно соотносящихся с единицами лексического уровня:

1) компоненты фразеологических сочетаний, сохраняющие в их составе свободные значения: мартышкин *труд*;

2) компоненты фразеологических сочетаний с фразеологически связанными значениями, которые можно определить термином эксплицитные фразеологически связанные значения, они поддаются субституции: неизгладимое (=сильное) впечатление;

3) компоненты семантически целостных фразеологических единиц, сохраняющих общность, но не имеющих в составе слов со свободными значениями. Эти компоненты формально соотносятся с единицами лексического уровня: биться головой об стену. Такие компоненты имеют имплицитные фразеологически связанные значения;

4) компоненты, имеющие реликтовый характер, то есть представляющие собой устаревшие слова или формы, в современной лексической системе языка не имеющие эквивалентов: разводить *турусы*³.

Подобная ранее описанной зависимость наблюдается, например, в классификации предикатов, предлагаемой Л. М. Васильевым. Весь корпус предикатной лексики и фразеологии ученый систематизирует по трем основаниям: 1) по доминирующим компонентам их значений; 2) по ядерным их компонентам, являющимся инвариантами (идентификаторами) денотативных классов слов и фразеологизмов; 3) по синтагматическим их компонентам, вычленяющимся на базе семантико-синтаксических моделей, ядром которых являются предикаты. По первому признаку выделяются два основных типа предикатов: бытийные и акциональные. По второму – выделяются девять основных классов слов и фразеологизмов: 1) бытийные и событийные предикаты; 2) предикаты отношения (релятивы); 3) предикаты свойства (квалификативы); 4) оценочные предикаты; 5) предикаты пространственной локализации (локативы); 6) предикаты состояния; 7) акциональные предикаты; 8) акционально-процессуальные предикаты; 9) функциональные предикаты. Первые шесть классов относятся к бытийным предикатам, а последние три – к акциональным. По третьему признаку – синтагматическим семам или семантическим валентностям – выделяются субъектные, двусубъектные, субъектно-объектные, субъектно-объектно-адресатные и другие предикативы. Однако автор данной классификации подчеркивает, что необходимо учитывать следующее: 1) семантические классы предикатов часто перекрещиваются и взаимодействуют друг с другом; 2) парадигматическое описание предикатов должно сопровождаться и уточняться синтаксической характеристикой; 3) парадигматическая и синтагматическая характеристика предикатов должна опираться на строгий компонентный анализ их значений; 4) предикатные значения не следует смешивать с актуальными смыслами, являющимися результатом речевого варьирования языковых значений (чаще всего регулярного)⁴.

¹ Бабкин А. М. Фразеология и лексикография // Проблемы фразеологии. Исследования и материалы / под ред. А. М. Бабкина. – М., 1964. – С. 26.

² Гвоздарев Ю. А. Процессы образования фразеологических единиц в русском языке // Проблемы русского фразеологического образования. – Тула, 1974. – С. 54.

³ Гвоздарев Ю. А. Слова-символы как компоненты фразеологических единиц // Фразеологизм и слово в русском языке. Межвузовский сборник научных трудов. – Ростов н/Д., 1983. – С. 26 – 33.

⁴ Васильев Л. М. Семантика русского глагола: учебное пособие для слушателей факультета повышения квалификации. – М., 1981. – С. 47–50.

В. П. Жуков выделяет разряды фразеологических единиц на основании возможности параллельного членения формы и содержания 1) фразеологизмы, значение которых не может быть расчленено на части, соотносящиеся с отдельными словными компонентами или сочетаниями компонентов, выделяемыми в составе фразеологизма (бить баклуши, собаку съел); 2) многочленные фразеологизмы, значение которых членится на части, соотносящиеся с отдельными сочетаниями словных компонентов (ложка дегтя в бочке меда); 3) фразеологизмы, в значении которых может быть выделены элементы, соотносящиеся с отдельными словными компонентами. Фразеологизмы последнего разряда подразделяются на две разновидности по признаку семантической соотнесенности словных компонентов с одноименными словами свободного употребления: а) фразеологизмы, в составе которых имеются компоненты (или один компонент), соотносящиеся в смысловом отношении с одноименным словом свободного употребления (на дружеской ноге, с пьяных глаз); б) фразеологизмы, в составе которых отдельные компоненты получают осмысление, не соотносящееся с системой значений соответствующих слов свободного употребления (заваривать кашу, расхлебывать кашу), вызванное чаще всего метафорическим переосмыслением свободного словосочетания (объекта метафоризации). При этом В. П. Жуков отмечает, что в языке действуют синтетические и аналитические тенденции, вызванные несоответствием между монолитным содержанием фразеологизма и его расчлененной формой. «Одни тенденции сближают фразеологизм со словом, другие, напротив, сближают компоненты с соответствующими словами свободного употребления. В силу действия этих взаимно контрастирующих тенденций возникает неравномерная деактуализация компонентов». Категориальное значение фразеологизма обнаруживается, по словам ученого, путем однословного или чаще распространительного толкования. Показателем этого значения, как правило, является грамматически главенствующее слово в объяснительной части, если оно при этом является полновесным, семантически не опущенным¹.

Существует мнение о том, что в структуре единиц экспрессивного фонда (как слов, так и фразеологизмов) ведущая роль принадлежит коннотативному содержанию. При этом предполагается, что лексическое и фразеологическое значение единиц экспрессивного фонда совпадает по составу компонентов. Л. Е. Кругликова к компонентам коннотации относит лишь эмоциональность и оценочность. Под эмоциональностью понимается способность лексической или фразеологической единицы выражать эмоциональное отношение к предмету сообщения. Под оценочностью понимается способность лексической или фразеологической единицы выражать положительное или отрицательное отношение говорящего к предмету сообщения. По мнению ученого, сами определения эмоциональности и оценочности свидетельствуют о тесной взаимосвязи этих понятий, что позволяет говорить о едином эмоционально-оценочном содержании, которое и толкуется как коннотативное. Языковые единицы, наделенные коннотативным содержанием, являются экспрессивными. В то же время среди экспрессивных единиц, как полагает Л. Е. Кругликова, встречаются такие, экспрессивность которых вызвана другими факторами. Таким образом, ученый не ставит в один ряд эмоционально-оценочную окраску и экспрессивность, потому что, во-первых, понятие экспрессивности шире, чем понятие эмоциональности и оценочности, во-вторых, эмоционально-оценочное содержание – это часть лексического (фразеологического) значения, а экспрессивность – это функция выразительности, воздействия, обусловленная прежде всего коннотативным содержанием. Функционально-стилистическая принадлежность, с точки зрения Л. Е. Кругликовой, также не является компонентом коннотации².

Вопрос о том, являются ли эмоциональность, оценочность, экспрессивность, стилистическая окраска элементами лексического или фразеологического значения, остается спорным. Например, распространено мнение, что коннотация, в состав которой входят оценочный, экспрессивный и функционально-стилистический компоненты, есть часть значения

¹ Жуков В. П. Русская фразеология: учебное пособие для филологических специальностей вузов. – М., 1986. – С. 209–210.

² Кругликова Л. Е. Структура лексического и фразеологического значения: учебное пособие. – М., 1988. – С. 65.

языкового знака и неразрывно связана с его предметно-логическим содержанием. В работах ряда ученых оценочность рассматривается как часть, с равной долей вероятности, либо коннотативного, либо денотативного содержания. Такого взгляда придерживается Н. Д. Арутюнова. В значении знака оценка представлена в виде отдельного семантического компонента, полагает ученый. Оценка может быть частью как коннотации (эмоциональная оценка), так и денотации (рациональная или интеллектуальная оценка)¹.

Л. Г. Барлас выделяет два типа эмоциональной окраски, отождествляемой ученым с оценкой: первый тип – объективированная, общественно закрепленная оценка обозначаемого словом объекта (скорее не эмоциональная, а интеллектуально-логическая); второй тип – субъективированная оценка говорящего (у собственно-эмоциональных слов). Оценка первого типа входит в качестве одного из компонентов в значение слова. Оценка второго типа накладывается на лексическое значение, но не входит в него. Стилистическая же окраска слова находится за пределами его значения².

Коннотативный компонент – это часть системного лексического значения, дополняющая его основное понятийное содержание смыслами, в которых отражены социальные, индивидуальные оценки соответствующих явлений, ассоциации, связанные с ними. Поэтому Э. В. Кузнецова рассматривает в качестве компонентов коннотации: экспрессивность, эмоциональность, оценочность, образность³.

В. А. Лебединская, Н. Б. Усачева отмечают большую сложность, эмоционально-рациональную насыщенность фразеологизма, которые обусловлены спецификой фразеологического значения, заключающейся во вторичном, обогащенном опытом интеллектуально-эмоционального словесного освоения действительности, воспроизведении «языковой картины мира». Определенное место в связи с этим, как полагают ученые, в структуре фразеологического значения занимают коннотации – элементы значения, выражающие отношение к различным условиям речевого акта⁴.

Справедливы, на наш взгляд, замечания В. А. Звегинцева о соотношении структуры значения, структуры означаемого – мира действительности – и понятия. Ученый отмечает: «Значения есть национальные категории, а понятия – вненациональные. А это значит, что, рассматривая вопрос о структуре значений и структуре мира действительности, мы должны считаться с наличием трех величин: мира действительности, мира понятий и мира значений. Эти величины следующим образом соотносятся друг с другом: мир действительности есть исходная величина; мир понятий обуславливается процессом познания мира действительности и стремится быть адекватным ему, воспроизвести его структуру; мир значений есть тот конкретный способ, которым фиксируется в языке мир понятий, он видоизменяется от языка к языку, вследствие чего структура значений не только никогда не тождественна структуре понятий, стоящей вне языка и образующей логическую основу всех языков. Отсюда следует, что структура значений не повторяет структуры внешнего мира»⁵. В. А. Звегинцев считает, что с динамической точки зрения значение – это понимание⁶. Ученый выделяет такие виды языкового значения, как лексические, грамматические, экспрессивно-стилистические. Самое существенное их различие, по мнению В. А. Звегинцева, заключается в том, что грамматические и лексические значения всегда тем или иным образом соотносятся с понятиями или предметами (референтами), всегда несут семантическую информацию. Стилистические же значения, пишет ученый, «несут лишь эстетическую информацию», которая обеспечивает воздействие на те или иные чувства человека⁷.

¹ Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. – М., 1988. – С. 6.

² Барлас Л. Г. Об отношении стилистической окраски и эмоциональных оттенков слова к его лексическому значению // Вопросы лексики и фразеологии современного русского языка. – Ростов н/Д., 1968. – С. 152.

³ Кузнецова Э. В. Лексикология русского языка: учебное пособие для филологических факультетов университетов. – М., 1989. – С. 183.

⁴ Лебединская В. А., Усачева Н. Б. Семантика процессуальных фразеологизмов. – Курган, 1999. – С. 8–9.

⁵ Звегинцев В. А. Теоретическая и прикладная лингвистика. – М., 1967. – С. 60–62.

⁶ Там же. – С. 22.

⁷ Там же. – С. 53.

В. А. Звегинцев полагает, что лексическое значение можно определить как совокупность потенциальных типовых сочетаний, в которых фиксируется область использования данного слова. В качестве основной и предельной единицы семасиологического уровня языка ученый предлагает принять моносемию. Моносемию В. А. Звегинцев определяет как потенциальную словосочетательную модель, идентификация которой в текстах осуществляется на основе отчетливых лингвистических (дескриптивных) признаков¹.

Следует отметить, что в своем исследовании при рассмотрении семантической структуры многочленных фразеологических омонимов мы опираемся на концепцию А. М. Чепасовой и Н. А. Павловой, которые не отвергают ранее представленные позиции ученых, а лишь обобщают и конкретизируют их. Семантическая структура фразеологической единицы, полагают А. М. Чепасова и Н. А. Павлова, включает в себя категориальное, субкатегориальное, групповое значение, дифференциальные семы².

Таким образом, лексическое и фразеологическое значение имеет сложную внутреннюю структуру. В ней выделяют понятийный (сигнификативный, рациональный) и коннотативный (прагматический) компоненты. Рациональный компонент образуется на основе абстрактного, понятийного мышления. Коннотативный компонент включает экспрессивно-образное, эмоционально-оценочное содержание. Некоторые исследователи относят к коннотации стилистические свойства слов и фразеологизмов. В различных теоретических разработках выделяются такие компоненты семантической структуры языковой единицы: 1) категориальные и идеосинкретические (Мигирин В. Н.); 2) ядерные и периферийные (Чепасова А. М., Павлова Н. А.); 3) эксплицитные и имплицитные (Кузнецов А. М.); 4) парадигматические и синтагматические (Васильев Л. М.) и т. д.

Современная лингвистика уделяет большое внимание исследованию семантической структуры слова и фразеологизма. При этом язык рассматривается как система, что представляется закономерным: только при таком подходе становится очевидной целесообразность изучения не отдельно взятой языковой единицы, а ряда единиц, которые способны вступить в определенные отношения – омонимические, синонимические, антонимические.

РЕЧЕВЫЕ ПРИЁМЫ ВОЗДЕЙСТВИЯ НА АДРЕСАТА (из практики проведения лингвистических экспертиз)

Власова Л.А.,

доцент кафедры русского языка
Орловского государственного университета,
к.филол.н., доцент

В процессе обучения лингвистов-экспертов проведению лингвистических судебных экспертиз немаловажное место занимает обучение студентов методике и способам выявления приёмов, используемых коммуникантами с целью реализации своего коммуникативного намерения воздействовать на адресата речи. В практике проведения лингвистических экспертиз по уголовным делам эксперту-лингвисту нередко приходится отвечать на вопрос о коммуникативном намерении лиц в разговорах, зафиксированных в ходе проведения оперативно-розыскных мероприятий. Коммуникативное намерение формирует коммуникативную цель, реализующую замысел автора речи и направленную на достижение собственного успеха путём воздействия на адресата. Коммуникативная цель, в свою очередь, определяет средства её достижения, т.е. специфический выбор говорящим способов языкового выражения, единиц различных уровней языковой системы. Решение поставленной перед лингвистом-экспертом задачи требует не только тщательного исследования пропозиционных (информа-

¹ Там же. – С. 41.

² Чепасова А. М. Семантические и грамматические свойства фразеологизмов: учебное пособие к спецкурсу. – Челябинск, 1983. – С. 18; Павлова Н. А. Омонимия в сфере фразеологии: монография. – Омск, 1997. – С. 28.

тивных) компонентов высказываний, но и выявления иллокутивных компонентов, с помощью которых устанавливается характер речевого воздействия на адресата речи.

Обратимся к практике проведения одной из лингвистических экспертиз, в которой выявлялось коммуникативное намерение коммуниканта М, являющегося предпринимателем, в разговоре с коммуникантом М1 – сотрудником правоохранительных органов. В репликах М1 обнаружены следующие виды речевых приёмов воздействия на адресата речи:

– склонение М1 к отказу от намерения оформлять протокол:

М1: *Пройдите. Сейчас я понятых вызову*

М: *А çà-àì ? Í ààí?*

М1: *Для составления административного материала.*

М: *È ÷ à í ààí í òí ò í è í è ì ì ò à à è ÿ ò ù ? Í à ÿ ç à ò à è ù ù í ?*

Склонение собеседника осуществляется осторожными высказываниями М в форме риторических вопросов *А зачем? Надо? / И че, надо протокол составлять? Обязательно?*, которые, по сути, представляют собой утверждения: [незачем, не надо, не обязательно составлять протокол];

– косвенное побуждение М1 не оформлять протокол:

М: *А может í à à à à à ò ù í è ì ò ù ?*

М1 *Что?*

М: *Может í à à à à à í è ì ò ù ? Так че í à í à í è à à à ì ì ÿ ? ...*

Косвенное побуждение реализуется в форме вопросительных предложений, смысл которых сводится к следующему побуждению коммуниканту М1: [давай не будешь / не будем писать, давай обойдёмся];

– создание у собеседника установки на общность интересов коммуникантов по их принадлежности к одному и тому же территориальному и возрастному социуму:

М: *... Nàì è è ð à è ёлки-палки. È à è à à à ò í í ù ÿ è , ÷ ò : í à è è è à è è à ò í .* *Всю жизнь жил в Новосиле.*

М: *Да ладно, ÷ ò í í ù í à è à í ù è à à à ò è ÷ ò í è è ? ...*

М: *Да, а че í ù à ò í ì è ù à è ð à è* елки палки.

Выражение *свои люди* является ключевым в речи М. В русском языке местоимение *свой* имеет значение «Родной или связанный близкими отношениями, совместной работой. *Свои люди – сочтёмся* (поговорка)» (Ожегов: 921); «Родной или связанный близкими отношениями, совместной работой, общими убеждениями и т.п.» (МАС: IV: 56); «Относящийся к себе как члену какого-л. коллектива, какой-л. общности; связанный отношениями родства или общим местом работы, социальным положением, взглядами, вкусами и т.п.» (НБТС: 1163). В приведённом контексте актуализируется семный компонент 'связанный одним местом жительства, принадлежностью к одному социуму'.

Грубо-просторечное слово *чучмек* (*чечмек*) с пренебрежительным оттенком имеет значение «прозвище жителей Средней Азии» (ТСНЛ: 969, 977) и используется обычно в речи людей русской национальности. Фраза *Как будто мы эти, чучмеки какие то* усиливает смысл предыдущего высказывания. Противопоставление *своих людей* и *чучмек* в речи М выражает суть смысловой оппозиции «свой – чужой». «Свои» могут найти «общий язык», свидетельствующий о понимании друг друга, и договориться об общих интересах. «Чужие» – *чучмеки*, по мнению М, на это не способны. Содержание фразы *Как будто мы эти, чучмеки какие-то* сводится к смыслу: [мы же не чужие]. Пренебрежительное отношение к *чучмек*кам подчёркивается употреблением М неопределённого местоимения *какие-то*. Заключительная фраза *Всю жизнь жил в Новосиле* развивает мысль М (являющегося представителем нерусской национальности), которая выражена свёрнутым высказыванием, включающим в себя редуцированный смысл: [я всю жизнь жил в Новосиле → поэтому я не чечмек].

Фраза *Как будто мы эти, чучмеки какие то* является речевым актом укора, который относится к коммуникативным актам, выражающим упрёк, порицание. Проанализированное высказывание М сводится к порицанию М1 за то, что тот не стремится к общему пониманию и решению проблемы в общих для обоих, по мнению предпринимателя, интересах.

Антитеза (противопоставление) *взрослые люди – маленькие дети* используется М в целях побудить собеседника не бояться и принять рискованное для него решение в силу его принадлежности к общности взрослых людей, способных решать «взрослые» проблемы «взрослыми» способами;

– формирование у собеседника установки на совместность принятия решения о совершении взаимовыгодных действий:

М: *Может не **áááá** писать? Так че не **íáíéääí ñý**? Свои люди ёлки-палки. Как буд-то **í ú** эти, чучмеки какие-то...*

М: *Да ладно, что **í ú** маленькие дети что ли?...*

М: *Да, а че **í ú** взрослые люди елки палки.*

Данная установка достигается использованием коммуникантом М «мы-подхода», который реализуется в употреблении им личного местоимения *мы* и форм 1-го лица множественного числа глаголов *будем, обойдемся*;

– создание у собеседника убеждения о простительности вынужденных проступков М в силу нетипичности, случайности для него ситуации:

М: ***В íééíääí íá òíðáþ, ý íá òíðáæ, понимаете? ... íá çíáæ, ÷ òí òáæ ííéó-èòíý, í ðèøéíñíí í ðíääááò ú** понимаешь... ;*

– побуждение собеседника принять денежные средства под видом штрафа:

М ... /неразборчиво/. **Øòðáð-éé ñááááð á** да я пойду.

М: **Øòðáð-éé ñááááé ò á í á**и я пойду, да?

М: *Не надо, **í á í áð á øòðáð ñááááé ò á**и все.*

М: *Да вот так. **çááñí í á í áð á, è çáí éá-ó**и все, и пошел дальше.*

Употребление уменьшительно-ласкательной формы существительного *штрафчик*, а также неоднократное использование речевых конструкций *да я пойду / и я пойду, да? / и все / и все, и пошел дальше* свидетельствуют о стремлении М создать у М1 впечатление незначительности события;

– побуждение собеседника взять себе что-либо из предлагаемых М по сезону вещей:

М: *...Выбери себе чего-нибудь по лету, **òíðíøí?***

– побуждение собеседника не бояться решиться на способ разрешения ситуации, указанный М:

М: *Да ладно, вы чего, **í á áíéòáñí** уважаемый, какой суд, о чем вы говорите, штраф будет, что больше этого что ли думаете, зачем мне это нужно суд;*

– демонстрация уважения к собеседнику:

М: *Да ладно, вы чего, не бойтесь, **áááæááí úé**, какой суд, о чем вы...*

М: *Ничего. Сейчас пол страны так работает. У кого все четко, скажи мне, **áááæááí úé?** ...;*

– ссылка на ординарность ситуации в силу её типичности:

М: *Ничего. **Ñáé-áñ í íé ñòðáí ú òáé ðááí ò ááò**. У кого все четко, скажи мне, уважаемый? ...;*

М: *Да зачем **íí é ñáí è òáé æá ðááí ò áþò**, они взрослые люди.*

Таким образом, исследование иллокутивных компонентов высказываний коммуниканта М в предложенном для анализа тексте позволило сделать вывод о коммуникативном намерении М оказать воздействие на адресата с целью склонить сотрудника правоохранительных органов к совершению сделки, заключающейся в подкупе должностного лица.

ЛИТЕРАТУРА

1. МАС – Словарь русского языка в 4 т. / Гд. Ред. А.П. Евгеньева. – Т. IV. – М.: АН СССР, ИРЯ, «Русский язык», 1988.
2. НБТС – Кузнецов С.А. Новейший большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С.А. Кузнецов. – СПб., М.: Рипол-Норинт, 2008.
3. Ожегов – Словарь русского языка/ С.И. Ожегов; Под общей ред. Проф. Л.И. Скворцова. – 24 изд., испр. – М: ООО «Издательство Оникс»: ООО «Издательство «Мир и Образование», 2007.
4. ТСНЛ – Квеселевич Д.И. Толковый словарь ненормативной лексики русского языка. – М.: Астрель: АСТ, 2006.

КОММУНИКАТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ВЫСКАЗЫВАНИЙ, СОДЕРЖАЩИХ РЕЧЕВОЙ АКТ УГРОЗЫ

Дурнева О.Н.,

аспирант Орловского государственного университета

В настоящее время при обучении студентов гуманитарных специальностей – будущих юристов, а также лингвистов-экспертов особое внимание необходимо уделять формированию языковой и социокультурной компетенции обучающихся. В будущем в их профессиональной деятельности нередко будут случаться ситуации, в которых специалистам будет необходимо определить наличие / отсутствие противоправного характера высказываний, представляющих собой речевой акт угрозы.

Одной из первых задач специалиста по решению данной проблемы является определение характера дискурса, в состав которого входят интересующие речевые акты. В общем смысле дискурс (от франц. discours – речь) – «связный текст в совокупности с экстралингвистическими – прагматическими, социокультурными, психологическими и др. факторами; текст, взятый в событийном аспекте; речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах их сознания (когнитивных процессах). Дискурс – это речь, «погруженная в жизнь». Дискурс включает «паралингвистическое сопровождение речи (мимику, жесты), выполняющее следующие основные функции: ритмическую (автодирижирование), референтную, связывающую слова с предметной областью приложения языка (дейктические жесты), семантическую, эмоционально-оценочную, функцию воздействия на собеседника, т.е. иллюкутивную силу. Дейксис изучается совместно с соответствующими «формами жизни» [Языкознание: 136]. Учитывая разнообразие определений дискурса в научной литературе, определимся, что под дискурсом мы понимаем тексты в совокупности с экстралингвистическими факторами как результат речевой деятельности. Данные тексты оформлены в письменном виде и отражают устные и письменные высказывания коммуникантов, высказавших угрозы в адрес лиц, являющихся адресатами угрозы.

Дискурс может носить различный характер, который определяется спецификой текстов, лежащих в его основе. Юристы и лингвисты-эксперты в качестве материалов исследования имеют дело с конкретными высказываниями, представленными в заявлениях истцов. Данный тип дискурса мы определили как противоправный, так как тексты, содержащие угрозу, сами по себе являются противоправными актами, рассматриваемыми и оцениваемыми в судебном производстве. Под противоправным дискурсом нами понимаются связные тексты, содержащие в себе высказывания, определяемые как речевой акт угрозы, представляющие собой деяния противоправного характера.

Угроза как противоправный акт является предметом рассмотрения в судебном заседании как подсудное деяние, уголовно квалифицированное по статье 119 УК РФ:

1. Угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью, если имелись основания опасаться осуществления этой угрозы, наказывается обязательными работами на срок от ста восьмидесяти до двухсот сорока часов, либо ограничением свободы на срок до двух лет, либо арестом на срок до шести месяцев, либо лишением свободы на срок до двух лет.

2. То же деяние, совершенное по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы, наказывается лишением свободы на срок до пяти лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет или без такового [Уголовно-процессуальный кодекс РФ (УПК РФ) от 18.12.2001 N 174-ФЗ].

Проанализируем отдельные высказывания и текстовые фрагменты, оцениваемые как речевые акты угрозы, которые послужили основанием для возбуждения реальных уголовных дел в судах Орловской области в 2000-е годы. Как было сказано выше, для установления

противоправного характера речевого акта угрозы необходимо выявить особенности противоправного дискурса, в частности, коммуникативно-прагматический аспект исследуемых высказываний.

Под коммуникативно-прагматическим аспектом высказываний противоправного характера мы понимаем такой экстралингвистический фактор, как способность высказываний или текстовых фрагментов, представляющих собой речевые акты угрозы, отражать особенности коммуникативных ситуаций, выражающихся в обстоятельствах реальных событий, предшествующих или сопутствующих речевому акту, а также позволяющие определить коммуникативную цель субъекта угрозы.

Как правило, ситуацию, в которой был произнесен тот или иной речевой акт угрозы, возможно узнать из преамбулы к постановлению о назначении экспертизы, ее обоснованию, либо из обвинительного заключения, в котором также содержится краткое изложение сути обвинительного заключения. Это позволяет определить гипотетическую возможность осуществления высказанной угрозы, указывает на реальные обстоятельства (место, время, условия и др.), сопровождающие произнесение той или иной фразы. Знание конкретных обстоятельств той ситуации, в которой были произнесены высказывания, воспринятые адресатом речи как угрозы в свой адрес, необходимо, чтобы исключить неадекватное восприятие фразы получателем. Например, в разговоре друзей фраза *Ух, сейчас я тебя убью!*, произнесенная с шуточной интонацией, не может рассматриваться как угроза жизни, так как в этом случае имеет место явление нейтрализации.

Из мотивировочной части постановления о назначении экспертизы также можно узнать, насколько подготовлен был речевой акт: были ли высказывания спонтанными либо заранее подготовленными. Практика рассмотрения обвинительных заключений и наблюдательных производств показала, что спонтанные речевые акты отличаются большей экспрессивностью, меньшей протяженностью, незамысловатым содержанием (в ярости произносить слова *убью, зарежу* легче, чем угрозу, состоящую из нескольких высказываний). В большинстве случаев неподготовленные фразы, содержащие угрозу, имеют место в семейной среде при конфликтах на бытовой почве, а также между хорошо знакомыми людьми (например, соседями, приятелями, дальними родственниками). В случае подготовленного или частично подготовленного речевого акта содержание высказывания бывает насыщеннее, форма выражения более разнообразна. Частично подготовленным речевым актом мы считаем высказывания на заранее известную тему, когда говорящий может заранее определиться с аргументами в защиту своей позиции. К группе подготовленных речевых актов мы относим фразы, изложенные на письме. В этом случае говорящий тщательно продумывает все средства воздействия, объем рукописи, средства выражения своих требований, учитывая невозможность воздействия на слушателя интонацией, громкостью голоса, темпом речи. При визуальном восприятии информации говорящий не может оценить степень воздействия на слушателя и поменять тактику речевого поведения. Но и у слушателя нет возможности каким-то образом противостоять негативному воздействию.

В рассмотренных нами материалах, в которых были представлены речевые акты угрозы, встретилось несколько однотипных конфликтных ситуаций с точки зрения компонентного наполнения¹. Под компонентным составом нами понимаются два аспекта: 1) характер отношений между коммуникантами, 2) условие подготовленности / неподготовленности речи.

1. Конфликтная ситуация между близкими родственниками или хорошо знакомыми людьми в условиях спонтанно возникшей ситуации:

Гражданин М, придя поздно домой в состоянии алкогольного опьянения, не смог войти в квартиру, так как его жена Ж закрыла дверь изнутри и отказывалась его впускать. Возник конфликт, в результате которого М, *выражаясь нецензурной бранью, высказал в адрес Ж*

¹ Во всех приведенных примерах фамилии реальных участников судебных дел заменены условным обозначением М (мужчина) и Ж (женщина)

угрозу убийством словами: «Я тебя убью», сопровождая слова попыткой сломать дверь¹. Такое поведение позволило Ж реально воспринять слова М. и обратиться за помощью к правоохранительным органам.

Похожей является другая ситуация, когда М, придя домой, увидел свою жену Ж и ее мать Ж1, собирающих вещи для переезда. На этой почве возник конфликт, из-за стремления Ж забрать дочь с собой и ограничить общение отца с дочерью, во время которого М умышленно высказал в адрес Ж и Ж1 угрозу убийством словами: «Если не оставите дочь, я вас убью». Ж восприняла угрозу как реальную, так как М силой препятствовал ее передвижению.

Из ситуаций, участниками которых являются хорошо знакомые люди, можно выделить также следующую ситуацию: в дом к Ж пришла соседка Ж1 и начала высказывать ей претензии по поводу некорректного поведения. В ходе словесной перепалки Ж произнесла фразу «Я тебя сейчас зарезу, уходи из моего дома!».

2. Конфликтная ситуация между малознакомыми людьми в условиях частично подготовленной речевой ситуации.

К этому типу мы относим ситуации, в которых были произнесены фразы, высказанные в процессе нескольких телефонных разговоров между М и Ж, находящимися в отношениях опосредованного знакомства. Этим разговорам предшествовали обстоятельства, заключающиеся в том, что по словам М, муж Ж взял в долг деньги у М для покупки квартиры. В телефонных разговорах М требовал возврата занятой суммы у вдовы заимщика Ж. Так как, по словам Ж, такой суммы у нее не было, М требовал продать квартиру и вернуть долг. Ж отказывалась продавать квартиру, так как она жила в ней с маленьким сыном и не собиралась отдавать деньги, потому что ничего не знала о долге покойного мужа. Неоднократные угрозы по телефону, а также ночные визиты незнакомых мужчин с требованием вернуть деньги оказали сильное психологическое воздействие на Ж и ее маленького сына и позволили осознать реальность произнесенных угроз: *Дура, сгорит твоя хата, будет гореть. Каждые, каждые три месяца, каждые, вот сделаешь ты ремонт, и она сгорит, и ты все равно ее продавать будешь. Все равно будешь продавать, шоб- лишь бы избавиться от нее; Таня, я не последний лох, я могу без тебя эту квартиру сделать, и после только документ тебе показать. Не уверена?; По-нормальному не получится, будем по-плохому решать. Я тебе говорил так? Я просто тебе говорил: пожалей мать, пожалей отца, пожалей детей своих, пожалей всех; Никогда ты покоя не увидишь, пока не придет тот момент. А момент будет хороший, чё ты переживаешь. Я об этом голову не забиваю, понимаешь? Я успокоился, я знаю, что (я) деньги заберу все равно, как бы это не было; Таня, в обратку не ходи, Таня, не надо. Земля вот она идешь, идешь, и можешь спотыкнуться, понимаешь?*

В описанном случае важную роль играют тон, паузы, интонация. Кроме того, для лингвиста-эксперта есть возможность исследовать иллокутивный компонент высказываний, заключающийся в использовании говорящим намёков, недоговоренности, иносказания.

3. Конфликтная ситуация между незнакомыми людьми в условиях подготовленной речевой ситуации.

В рассмотренных нами ситуациях встретились примеры письменного изложения угроз в анонимных письмах, которые были подброшены нескольким людям. Тексты содержали угрозы жизни и здоровью детей получателей с требованием передачи денег. Непосредственный контакт между автором посланий и получателем был исключен, так как это могло повлечь негативную реакцию со стороны получателя. В данном случае не было открытой конфликтной ситуации, целью говорящего было исключительно получение денег, поэтому получатели подбирались по величине материального достатка. М по предварительному сговору с М1 вымогал у Ж и М2 денежные средства посредством неоднократной передачи анонимных писем с угрозами жизни и здоровья.

¹ Здесь и далее: все приведенные высказывания и текстовые фрагменты приводятся дословно, в той же орфографии и пунктуации, что и в материалах судебных документов.

Как правило, основная цель говорящего, произносящего высказывания, содержащие угрозу, выражается прямо и заключается в прямом требовании к адресату угрозы совершить какое-либо действие, а именно:

– вернуть долг: *Таня, просто отдай мне пятьдесят штук, и я отстану, мне даже не надо твоих процентов, а мог бы требовать, просто отдай деньги и тебе ничего не будет;*

– продать квартиру с целью отдать деньги за нее субъекту угрозы: *Дура, сгорит твоя хата, будет гореть. Каждые, каждые три месяца, каждые, вот сделаешь ты ремонт, и она сгорит, и ты все равно ее продавать будешь. Все равно будешь продавать, шоб- лишь бы избавиться от нее, продавай сейчас, отдай деньги и тебя никто не тронет;*

– не обращаться в органы правопорядка: *не вздумай к ментам обращаться, никто тебе не поможет, ни мусора, никто;*

– передать требуемую сумму денег: *тебе надо передать нам 10000 рублей в белом конверте...;*

– оставить ребенка с отцом: *оставь мне ребенка, а сама убирайся;*

– покинуть помещение: *уйди из моего дома;*

– впустить в помещение: *пусти меня в дом;*

Кроме того, основная цель субъекта угрозы дополняется второстепенными целями, которые заключаются в оказании психологического воздействия на жертву угрозы с использованием речевых приемов запугивания, оскорбления, деморализации объекта угрозы.

В итоге можно сделать вывод, что конфликтные ситуации, результатом которых является произнесение фраз, содержащих угрозу, случаются чаще всего между знакомыми людьми. Как правило, есть обстоятельства, предшествующие возникновению конфликта, которые вынуждают говорящего прибегнуть к угрозе. Во всех рассмотренных нами материалах основная цель говорящего, произносящего высказывания, содержащие угрозу, выражается прямо и заключается в прямом требовании к адресату угрозы совершить какое-либо действие.

ЛИТЕРАТУРА

1. Языкознание. Большой энциклопедический словарь /Гл. ред. В.Н.Ярцева.– 2-е изд. [Текст] – М. Большая Российская энциклопедия, 2000.– 688с.: ил.

ВЫРАЖЕНИЕ ОБЪЕКТНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ПОВЕСТИ Б.К.ЗАЙЦЕВА «АГРАФЕНА»

Ефимова Т.Г.,

доцент кафедры русского языка
Орловского государственного университета,
к.филол.н., доцент

Енина И.Е.,

магистрант кафедры русского языка
Орловского государственного университета

Данная статья посвящена исследованию объектных отношений в повести Б.К.Зайцева «Аграфена», так как лингвистических работ, выполненных на материале произведений Зайцева, одного из виднейших представителей «серебряного» века русской литературы, немного, язык писателя еще недостаточно изучен. А ведь в художественных произведениях писателя отразились все особенности литературы первой половины XX века.

По справедливому замечанию В.В.Виноградова, «индивидуальный стиль писателя – это система индивидуально-эстетического использования свойственных данному периоду развития литературных средств словесного выражения».¹

¹ Виноградов В.В. Из истории изучения русского синтаксиса (от Ломоносова и Потебни до Фортунатова). - Издательство Московского ун-та, 1958, с.85.

Под объектными отношениями вслед за А.М.Ломовым мы понимаем «подчинительные отношения, предполагающие квалификацию действий (в том числе и опредмеченных) или признаков с точки зрения их отношения к предметам (объектам), на которые они, так или иначе, распространяются».¹ Объектные отношения выражаются через дополнение.

Семантика дополнений чрезвычайно сложна и многопланова. Это связано с их возможностью выражаться различными частями речи, а также проявлять определенное категориальное значение.

В.В.Бабайцева отмечает следующие синтаксические значения дополнений: предмет (деятель и собственно предмет, носитель признака); модально-временной признак, или предикативный признак (действие и собственно признак); объект (косвенный предмет); конкретизирующий признак.²

В повести Б.К.Зайцева «Аграфена» методом сплошной выборки было выявлено 656 дополнений, которые имеют следующие значения:

1. Дополнения, обозначающие объект, на который распространяется действие: *Анютка стеснялась немного, но барыня опытно-ласковой рукой погладила **я** одобрила.*

Дополнения с этим значением доминируют в повести, то есть составляют 36,1%. Можно предположить, что преобладание дополнений со значением объекта, на который распространяется действие, важно для писателя. В центре повести – героиня. Автор рассказывает о судьбе одной женщины, о трагедии и счастье жить на земле, о любви и вере как вечной истине. Перед читателем раскрывается жизнь женщины, испытавшей «многие скорби» от самой своей юности и до старости, до смертного часа. И испив свою чашу страданий до конца, она отдает себя истинной и вечной любви, которая является абсолютной. Таким образом, зайцев обращает внимание читателя именно на объект (лицо), на который распространяется действие.

Среди подобных дополнений выделяются дополнения со значением косвенного объекта или субъекта действия: *Занимался **он** много мучительно рисовал; **И** **я** **я** вились щеглы.*

Объект, на который распространяется действие, выражается:

а) именами существительными, обозначающими:

- названия вещей (предметов): *За день растопило даже **я**,*

- названия лиц: ***А** **я** **я** обожгло, но она сдержалась и молчала;*

- названия независимых самостоятельных субстанций непроцессуальных и процессуальных признаков – качеств, свойств, действий: *...безбрежная река ... поселяет **я** в крепкосложившихся; Всегдашний внутренний траур выводил на лицо ... спокойную **я** Но приходилось искать чужой **я** в чтении;*

б) местоимениями: *Она ласкала **я** и утешала...*

Местоимения в большинстве случаев заменяют существительные, которые обозначают лица, а не предметы.

2. Второй по употребительности в повести «Аграфена» является группа дополнений со значением объекта (адресата), в пользу которого совершается действие: *И еще нравилось – старый святой обычай – насыпать зерен скромных на гребень могилы и давать ими пищу **я**.*

Количество дополнений со значением объекта, в пользу которого совершается действие 168 (25,6%). Вероятно, это связано с тем, что сама повесть содержит в себе достаточное количество доказательств того, что Аграфена чаще испытывает на себе то или иное действие, влияние, нежели эти действия, влияния осуществляются в пользу Аграфены.

Дополнения со значением объекта, на который распространяется действие, предполагают реальное существование действий, которые распространяются на объект (Аграфену). А дополнения со значением объекта (адресата), в пользу которого совершается действие, пред-

¹ Ломов А.М. Словарь-справочник по синтаксису современного русского языка. – М.: АСТ: Восток-Запад, 2007, с.194.

² Бабайцева В.В. Система членов предложения в современном русском языке. – М., 1988, с.160.

полагают действия, которые должны быть осуществлены в пользу объекта, то есть Аграфены, но на самом деле они не осуществимы. Все действия, которые распространяются на объект или совершаются в пользу объекта, происходят в основном вокруг Аграфены, но иногда они распространяются на лица, играющие немаловажную роль в жизни Аграфены.

Большинство дополнений этой группы выражено с помощью одушевленных имен существительных, собственных имен существительных или личных местоимений: *í ò á í ò à ì*, *í á è è à ì*, *Á à ò á í á á é*, *à ì*, *à ì ó* Обе носили похожие голубенькие платица, выдавали красноносым *í á è è à ì* водку, хохотали весело; Сзади мгновенно пал кусок света, бросил его в глаза *Á à ò á í á* Вот смотри, *é à ì* и отец Дмитрий не пойдет, потому твоя барыня безмужняя и т.д.

Мы предполагаем, что это является особенностью идеостилия Б.К.Зайцева. В центре внимания русской литературы всегда был человек – его взаимоотношения с сущим, его внутренний мир. На примере повести «Аграфена» мы убедились, что и Зайцев не обошел эту тему стороной.

В данной группе дополнений есть также примеры с оттенком косвенного объекта или субъекта действия: *Á é* вдруг представилось, что жизнь широко раздвинута; Она мало их понимала, но почему-то от того, что барышня умела играть, она казалась *Á à ò á í á* не совсем обыкновенной: точно жило в ней смутное и слегка загадочное.

Дополнения со значением объекта (адресата), в пользу которого совершается действие, помогают понять замысел автора. Он изображает героиню, которая стремится к религиозному началу. В тексте описаны обряды погребения, сцены молитв, взываний к Богу. В героине пробуждается религиозное чувство, изначально имеющее отвлеченный характер. Аграфена «молилась вслух полям, овсам, небу, Богоматери кроткой и милостивой». Аграфена предчувствует скорую разлуку с возлюбленным, что свидетельствует о многих страданиях, ведущих героиню к душевному и духовному росту.

3. Частотны в повести Б.К.Зайцева и дополнения со значением чувства, восприятия: *Образ темной монахини, встретившейся на большаке, принял в ее сознании í ò á è à ì* апокалипсиса; Она увидела у твоего изголовья черную *á è á ì ù è í ó* одеянии монашенки.

Дополнения со значением объекта чувства, восприятия представлены 93 примерами. Это составляет 14,2% от общего числа употреблений.

Наличие такого количества примеров доказывает то, что обращение к сфере духа, чувства для решения общечеловеческих проблем становится основной чертой повести Зайцева. Мировоззрение писателя в целом формировалось под влиянием распространенных философских учений того времени, в частности, философии Вл. Соловьева. С трудами Соловьева связано понимание Б.К.Зайцевым Вечной Женственности, как всеобщего духовного начала, любви, как смысла жизни, красоты, как «духовной телесности», проявляющейся в «светоносности» и «небесности». Интересно, что с появлением в творчестве Зайцева концепции абсолютной любви все чаще используются образы, связанные с христианским пониманием мира: кроткая и милостивая Богоматерь, смерть в виде черной монашки, свечи и лампадка, чаша жизни.

4. Почти с такой же частотностью в повести «Аграфена» употребляются дополнения со значением объекта, раскрывающего содержание процессов, обозначенных глаголами со значением речи, мысли: *Этими á ì í ò ì ì é* обратилась она раз к барыне; Думала Груша все *í á í à ì ì*: вдруг его встретит.

Частота употребления дополнений с данным значением составляет 14% от общего количества (92 случая).

Это свидетельствует о том, что автор старается точнее передать чувства и мысли Аграфены, которая является главной героиней повести.

Как справедливо отмечает Е.А.Михеичева, для творчества Зайцева характерна масштабность, обобщенность, философичность, а также использование альтернативных и одно-

временно равнозначных образов-символов. Альтернативный способ обобщения – «безличность» зайцевской прозы.¹

Наряду с конкретными именами существительными, собственными именами существительными Зайцев широко использует личные местоимения: *Как чужая понимала она **я**, будто из другого государства.*

Вся повесть «Аграфена» пронизана чувствами и переживаниями. Любовь у Зайцева, как и у Соловьева, несет в себе некую двойственность: реальное чувство, физическое влечение, и любовь, как предощущение чего-то вечного, неземного, трагического и в то же время необходимого и прекрасного.

«В чувственное восприятие мира «включены» зрение, осязание, обоняние. В пути героя преследуют запахи. Остановленное писателем мгновение воспринимается как один из миллионов фрагментов жизни, которые идут чередой, незаметные для человека, и в то же время этот момент неповторим, как неповторима уже прожитая минута человеческой жизни».²

В повести «Аграфена» имеются дополнения с другими значениями, например, со значением орудия или средства действия. Они составляют 7,3% от общего количества употреблений: *Много сереньких дней, когда куропатки срываются в кустах из-под ног и чертят воздух острыми **б**и*

Способом выражения данного значения дополнений являются имена существительные не только конкретные, но и абстрактные: *Сердце ее обнималось тогда благоговейной **ж**и*. Это указывает на то, что автор стремится к отвлеченности. Именно через абстрактные имена существительные читатель проникается внутренним миром героини. Этот факт указывает на «безличность» зайцевской прозы, что является особенностью стиля писателя.

Ю.А. Драгунова в работе «Б.К.Зайцев: художественный мир» пишет, что Б.Зайцева неоднократно укоряли за безликость его героев, их незаметность, пассивность, «пустую созерцательность».³ Но тем не менее исследователи не раз отмечали индивидуальную теплоту художника по отношению к своим героям. По суждению писателя, все обречены на ошибки в земном мире. Все заслуживают сочувствия и понимания. Во всех людях Зайцев замечает искру Божью, если она еле тлеет, грустит. В умении героини повести «Аграфена» любить, жертвуя собой, терять любимых людей и не предаваться чувству ненависти видно провозглашение доброты. Доброта проявляется в умении любить жизнь в ее страданиях.

Немногочисленную группу, всего 8 примеров (1,2%), составляют дополнения со значением объекта достижения: *Он все улыбался, потом взял ее **с**а*

Употребляет Зайцев в повести и дополнения со значением объекта удаления, лишения и со значением объекта, служащего для сравнения. Однако дополнения с указанными значениями представлены в повести единичными случаями (по 5 употреблений): *Великое предначертание повернуло **л**о*лицо любви; *Их клетот, утопавший в красной липе, был похож **л**а*

Средством выражения дополнений со значением объекта удаления, лишения и объекта, служащего для сравнения выступают имена существительные и местоимения в сочетании с предлогом.

Наличие малочисленных групп дополнений со значением объекта удаления, лишения, объекта, служащего для сравнения, или орудия или средства действия подтверждают мысль о том, что в центре повести Б.К.Зайцева «Аграфена» человек, и не просто человек, а женщина. На ее долю выпадают различные жизненные испытания. Образ женщины стал одним из центральных в его произведениях. Создавая свой идеал женщины, он создал идеал прекрасного на земле. М.Горький говорил, что все лучшее на земле от любви к женщине. В основе мировоззрения Б.Зайцева всегда лежала религиозная идея, которая проявлялась в особом

¹ Михеичева Е.А. Жанр философского рассказа в русской литературе XIX-XX вв. – ГОУ ВПО «Орл. гос. ун-т», 2008, с.188.

² Михеичева Е.А. Там же, с24-25.

³ Драгунова Ю.А. Б.К.Зайцев. Художественный мир. – Орел: «Орлик», 2005, с.38-39.

ореоле мистичности, присутствовавшем, по словам Т.Прокопова, «почти во всех его вещах, как необходимейший орнамент, окрашивающий и во многом объединяющий поступки и размышления его героев».¹

Страдание получает свое оправдание в христианских воззрениях писателя, становясь необходимой силой и закономерным результатом в борьбе добра и зла. Очищение от грехов приходит к Аграфене через страдания. Так автор подчеркивает исключительное значение человеческого испытания, страдания, покаяния для обретения смысла жизни, которое для писателя заключается в Боге, и к нему приходит Аграфена.

Последнее испытание для героини, разрывающее все связи с миром – это смерть ее дочери Анюты. Дочь повторяет судьбу матери, и в то же время она воплощает в себе главный грех героини и расплату за него. Анюта, как последняя привязанность Аграфены, была когда-то рождена во грехе, общение с ней началось поздно из-за «блужданий» матери, и смерть дочери стала карой для Аграфены. Поэтому, по мысли автора, которая совпадает с христианскими представлениями о земных привязанностях и о смерти, только познав «скорбь разлуки», Аграфена «испила... последнюю чашу жизни». Лишь тогда, освободившись полностью, она удостоилась божественного видения праведницы и столь же праведнического конца.

Таким образом, объектные отношения реализуются в повести Б.К.Зайцева «Аграфена» через дополнения, которые представлены доминирующими по количеству группами со значением объекта, на который распространяется действие, объекта(адресата), в пользу которого совершается действие, а также объекта чувства, восприятия и объекта, раскрывающего содержание процессов, обозначенных глаголами со значением речи, мысли. Эти четыре группы непосредственно раскрывают замысел писателя, помогают понять основную тему и идею повести. Остальные немногочисленные группы тоже не менее важны, но они не до конца подтверждают основную идею и мысль того, что хотел сказать автор читателю.

Как отмечалось ранее, в роли дополнения может выступать глагол в форме инфинитива. В этом случае инфинитив зависит от спрягаемого глагола, то есть входит в состав глагольного словосочетания. Выбор функции инфинитива связан не столько с его значением, сколько с семантикой главного компонента.

В повести «Аграфена» не встретились дополнения, выраженные инфинитивом. Это подтверждает мнение лингвистов о редком использовании инфинитива в роли дополнения.²

Отсутствие инфинитива в роли дополнения в повести можно объяснить тем, что за каждой частью речи в современном русском языке закреплена определенная синтаксическая функция. А основная функция глагола – быть сказуемым.

ФОРМИРОВАНИЕ ДИСКУРСИВНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ БУДУЩЕГО СОТРУДНИКА ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ

Имамудинова Ф. Р.,

заведующий кафедрой иностранных и русского языков
Уфимского юридического института МВД России,
к.филол.н., доцент

Согласно Федеральному государственному образовательному стандарту высшего профессионального образования (ФГОС ВПО), обучение иностранному языку в неязыковом вузе рассматривается как обязательный компонент профессиональной подготовки специалиста и данная дисциплина включена в цикл ГСЭ (Гуманитарный, социальный и экономический цикл).

¹ Прокопов Т. Все, написанное мною, лишь Россией и дышит // Зайцев Б. Осенний свет. – М., 1990, с.7.

² Скобликова Е.С. Современный русский язык. Синтаксис простого предложения. – М.: Просвещение, 1979, с.166.

Реализация новой парадигмы высшего образования направлена на подготовку специалиста в соответствии с требованиями XXI века. ФГОС ВПО по направлению подготовки (специальности) 031001 - Правоохранительная деятельность выдвигает следующие требования к результатам освоения основных образовательных программ подготовки специалиста: способность осуществлять письменную и устную коммуникацию на русском языке, логически верно, аргументировано и ясно строить устную и письменную речь, вести полемику и дискуссии; способность к деловому общению, профессиональной коммуникации на одном из иностранных языков. Это особенно важно для специалистов, которые работают с людьми, в том числе для будущих сотрудников правоохранительных органов.

Современный стандарт высшего профессионального образования подразумевает не только высокую профессиональную подготовку специалистов, но и общую культуру, частью которой является владение культурой речи, знание языков, знание норм и функции профессиональной этики, умение общаться в различных сферах и ситуациях. Будущий сотрудник правоохранительных органов должен уметь правильно строить общение с коллегами и с гражданами, в том числе с представителями различных социальных групп и национальностей и конфессий.

Компетентностный подход предполагает направленность нового образовательного стандарта на формирование качеств, необходимых для обеспечения успешной профессиональной деятельности. Понятие компетенции в ФГОС ВПО трактуется как «способность применять знания, умения и личностные качества для успешной деятельности в определенной области»[1].

Компетентность является мерой освоения компетенций, а компетенции - средством описания предметов и видов деятельности специалиста, подлежащих освоению в процессе его подготовки. Компетенции и компетентность - важнейшие инструменты компетентностного подхода в образовании: компетенции являются самыми значимыми критериями результатов обучения, а компетентность - средством измерения качества образования, что соответствует требованиям ФГОС ВПО.

Иностранный язык в вузах МВД находится в сфере инструментальной компетенции, поскольку, выступая дополнительным инструментом познания, способствует оптимизации профессиональной деятельности сотрудника ОВД.

Инструментальная компетенция включает в себя коммуникативную, лингводидактическую и социокультурную ее разновидности. Формирование вышеназванных видов компетенции и есть непосредственная задача обучения иностранным языкам в вузе.

Сотрудник правоохранительных органов, пожалуй, больше, чем другие сферы, связан с человеком и общечеловеческим миром, с гуманизмом в общечеловеческом измерении.

Разработка технологических и теоретических основ формирования культуры общения требует детального рассмотрения сущности, содержания, понятия дискурсивной компетентности специалиста, т.к. дискурсивная компетентность является частью профессиональной компетентности сотрудника правоохранительных органов специалиста.

Иностранный язык развивает способность применять понятийный аппарат и лексику базовых и смежных наук, овладевать коммуникативной техникой и технологией, деловой этикой сотрудника правоохранительных органов. Отсутствие у сотрудника правоохранительных органов знаний, умений и навыков профессионального общения делает его профессионально малопригодным. Мы полагаем, что именно профессиональное общение сотрудника правоохранительных органов с гражданами восстанавливает гуманистическую направленность правоохранительных органов.

Иностранный язык способствует формированию дискурсивной компетентности сотрудника, развивает коммуникативную подготовленность сотрудника правоохранительных органов.

Компетентностный подход, который реализуется в системе высшего профессионального образования, прежде всего, требует определения «ключевой компетентности» выпускника [2]. К числу «ключевых профессиональных компетентностей» следует отнести комму-

никативную компетентность в аспекте совершенствования профессионализма сотрудника правоохранительных органов

Одной из составляющих ее компонентов является *дискурсивная компетентность*. Дискурсивная компетентность - это особое речевое умение, позволяющее каждому человеку не только воспринять и понять сообщенную ему информацию в устной или письменной форме, но также и создать свой собственный речевой продукт, адресованный партнеру по общению. Формирование дискурсивной компетентности у курсантов вузов системы МВД способствует развитию умения самостоятельно осуществлять смысловое структурирование более или менее сложного текста с большим количеством правовых понятий.

Это означает, что дискурсивная компетентность, являющаяся речевой деятельностью, обуславливается коммуникативно-познавательной потребностью курсанта высказать свою мысль и принять речевое сообщение на иностранном языке.

Дискурс (от лат. *discursus* движение, беседа, разговор) - речь, процесс языковой деятельности; способ говорения. По афористичному выражению Н.Д. Арутюновой, «дискурс - это речь, погруженная в жизнь». Дискурс, как и любой коммуникативный акт, предполагает наличие двух фундаментальных ролей - говорящего (автора) и адресата. Поскольку структура дискурса предполагает наличие двух коренным образом противопоставленных ролей - говорящего и адресата, постольку сам процесс языкового общения может рассматриваться в этих двух перспективах. Дискурсивная компетентность - это знание особенностей, присущих различным типам дискурсов, а также способность слушателей использовать определенные стратегии для конструирования и интерпретации текста, то есть способность порождать дискурсы в процессе общения. Наиболее употребительными типами дискурсов в учебно-профессиональной сфере общения являются: сообщение, обсуждение, диалог и пр. Дискурсивной компетентность включает: системное знание о языке; знание языковых норм и владение им; стилистические навыки; коммуникативные навыки (профессиональная диалогическая речь).

Мы считаем необходимым, ввести понятие «дискурсивная компетентность» в систему профессиональной подготовки сотрудников ОВД. Под дискурсивной компетентностью мы понимаем совокупность знаний, умений, навыков, а также способов деятельности, связанных с построением и ситуативным пониманием дискурсов как объектов реальной действительности в процессе осуществления профессиональной деятельности. Таким образом, устанавливается подчиненность знаний умениям и подчеркивается роль умений (опыта) практически реализовывать знания, решать задачи профессиональной деятельности на этой основе.

Таким образом, устанавливается подчиненность знаний умениям и подчеркивается роль умений (опыта) практически реализовывать знания, решать задачи профессиональной деятельности на этой основе.

Дискурсивная компетентность как важная составляющая коммуникативной компетентности подразумевает способность коммуникантов оперировать энциклопедическими знаниями, отражающими устройство реального мира (включая области профессиональной деятельности человека), пользоваться арсеналом разноуровневых средств языка для достижения прагматических целей; устанавливать речевой или текстовый контакт с партнером на основе правил общения, принятых в данном социуме [3], [4]. Развитие дискурсивной компетентности у курсантов по иностранному языку обуславливается следующей направленностью на: а) формирование и развитие умений общения на иностранном языке в учебной, повседневной-бытовой, профессиональной сферах; б) развитие умений создания дискурсов разных жанров в устной и письменной формах; в) развитие языковой культуры на основе описания реальных событий на иностранном языке. Решение вышеуказанных задач расширяет кругозор обучаемых, способствует развитию познавательного интереса, культурному саморазвитию, повышению качества обучения средствами иностранного языка.

Индивид с высоким уровнем дискурсивной компетенции хорошо знает, как эффективно использовать связки (местоимения, союзы, наречия и другие грамматические средства), как достичь единства мысли и соответствия в тексте, как выразить отношения между

различными идеями в контексте. На занятиях по иностранному языку студент проигрывает роль предметного и социального содержания будущей профессиональной деятельности, т.е. «проигрывает» будущую профессиональную деятельность. Конкретизация иноязычного материала позволяет закрепить умения и навыки в реальном процессе подготовки и принятия решений, в рефлексию выполнения игровых и учебных действий, а через них и действий профессиональных, основанных на знаниях иностранного языка. Формирование профессиональной компетентности сотрудника ОВД средствами иностранного языка является целенаправленно организованный лингво-дидактический подкрепленный образовательный процесс, включающий овладение совокупностью языковых и речевых компетенций.

Дискурсивная компетентность является важным средством повышения профессиональной подготовки сотрудника ОВД т.к. она помогает реализовывать функции, которые призваны выполнять сотрудник правоохранительных органов. При условии успешного применения компетентностного подхода в обучении иностранному языку обучаемые смогут продемонстрировать коммуникативные умения в рамках своей профессиональной деятельности вне вуза, т.е. в реальном мире.

ЛИТЕРАТУРА

1. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования. Общие положения. Приказ Министерства образования и науки Российской Федерации от 22 февраля 2007 года.
2. Зимняя И.А. Ключевые компетентности как результативно-целевая основа компетентностного подхода в образовании //Труды методологического семинара «Россия в Болонском процессе: проблемы, задачи, перспективы». - М.: Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов, 2004.
3. Мшэруд Р. П. Компетентность и иноязычное образование // Сб. научных статей. - Таганрог: ТГРУ, 2004. - С. 70-80.
4. Хуторской А.В. Ключевые компетенции как компонент личностно-ориентированного образования // Народное образование. - 2003. - №2. - С. 58-64.

ЯЗЫК КАК СРЕДСТВО МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Каграманян К.А.,

доцент кафедры иностранных языков
Санкт-Петербургского университета МВД России,
к.пед.н., доцент

В современную эпоху именно поликультурностью большинства государств и регионов, интенсификацией экономических, политических и духовных отношений народов, усиливающих связи людей разных национальностей и конфессий, живущих в полиэтнической среде, вызвано пристальное внимание к вопросам межкультурной, международной коммуникации, ведущую роль которой определяет геополитическая реальность, закономерно выдвигающая в современном мире на передний план прогресса человечества социокультурный контекст.

Как известно, человек – это общественное существо, которое живет в обществе и, следовательно, он может и должен общаться с другими членами этого общества, объединяясь с ними через общение. «Без общения нет общества, без общества нет человека социального, нет человека культурного, человека разумного, homo sapiens»¹.

Общение (или коммуникация) – это основа существования человека, правящая им, его жизнью, развитием, поведением, его познанием мира и самого себя как части этого мира.

В понятие термина «коммуникация» входит несколько определений. Коммуникация – это «акт общения, связь между двумя или более индивидами, основанная на взаимопонима-

¹ Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. М., 2000, С.9.

нии»; «сообщение информации одним лицом другому или ряду лиц»; «сообщение, общение»; «акт обмена (особенно новостями)»; «акт или процесс передачи информации другим людям»; «системы и процессы, используемые для общения или передачи информации»; «различные методы передачи информации между людьми и населёнными пунктами»; «это также способы, с помощью которых люди строят отношения друг с другом и понимают чувства друг друга» и т.д.

Что касается межкультурной коммуникации, то её определение очевидно из самого термина: это общение людей, представляющих разные культуры, это «адекватное взаимопонимание двух участников коммуникативного акта, принадлежащих к разным национальным культурам»¹.

Главным, хотя и не единственным, средством любого общения является язык. Понятие «язык» также имеет несколько определений. Это и «совокупность всех слов народа и верное их сочетание, для передачи мыслей своих», и «всякая система знаков, пригодная для того, чтобы служить средством общения между индивидами», и «одна из самобытных семиологических систем, служащая для целей коммуникации и являющаяся средством развития мышления, передачи от поколения к поколению культурно-исторических традиций, способная выразить всю совокупность знаний и представлений человека о мире», и «стихийно возникшая в человеческом обществе и развивающаяся система дискретных (членораздельных) звуковых знаков, служащая для целей коммуникации и способная выразить всю совокупность знаний и представлений человека о мире», и «исторически сложившаяся система звуковых, словарных и грамматических средств, объективирующая работу мышления и являющаяся орудием общения, обмена мыслями и взаимного понимания людей в обществе», и «словарный запас и способ его использования, преобладающие в одной или более странах; способ выражения; слова и их употребление; способность говорить; способ человека выражать; профессиональная и местная лексика; литературный стиль, форма выражения», и «система общения, состоящая из мелких фрагментов и набора правил, которые регулируют способ употребления этих фрагментов для составления высказывания, имеющего смысл», и «это возможность использовать слова в целях коммуникации» и т.д.

Но, как можно заметить, все определения представителей разных эпох и стран сходятся в главном: язык – это средство общения и средство выражения мыслей. Это две самые основные его функции – он служит коммуникации и является главным, самым эксплицитным, самым официальным и социально признанным из всех видов коммуникативного поведения. «Язык является коммуникативным процессом в чистом виде в каждом известном нам обществе»².

Рассматривая язык как средство межкультурной коммуникации, можно заметить очевидную тесную взаимосвязь языка и культуры.

Язык – это носитель культуры, отражающий не только реальный мир, окружающий человека, но и общественное самосознание народа, его менталитет, национальный характер, образ жизни, традиции, обычаи, мораль, систему ценностей, мироощущение, видение мира. Это сокровищница, копилка культуры, хранящая культурные ценности – в художественной и научной литературе, в грамматике, в лексике, в идиоматике, в пословицах, поговорках, в фольклоре, в письменной и устной речи.

Как передатчик и носитель культуры, он передает сокровища национальной культуры, хранящейся в нем, из поколения в поколение, так как, овладевая родным языком, человек усваивает вместе с ним и обобщенный культурный опыт предшествующих поколений.

Кроме того, как инструмент культуры, язык также является средством формирования личности носителя через заложенные в языке и навязанные ему языком видение мира, через менталитет, отношение к людям, то есть через культуру народа, пользующегося данным языком как средством общения.

¹ Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Язык и культура. М., 1995, С.45.

² Сепир Э. Коммуникация // Избранные труды по языкознанию и культурологии. М., 1993, С. 211.

Очевидно, что язык не существует вне культуры как «социально унаследованной совокупности практических навыков и идей, характеризующих наш образ жизни»¹. Напротив, как один из видов человеческой деятельности, язык становится составной частью культуры, определяемой как совокупность результатов человеческой деятельности в разных сферах жизни человека: производственной, общественной, духовной. Однако в качестве формы существования мышления и как средство общения язык стоит в одном ряду с культурой².

При рассмотрении языка с точки зрения его структуры, функционирования и способов овладения им, социокультурный слой, или компонент культуры, оказывается частью языка или фоном его существования. Компонент культуры, в свою очередь, является не просто культурной информацией, сообщаемой языком, а неотъемлемым свойством языка, присущим всем его отраслям и уровням.

Итак, язык – это мощное общественное орудие, формирующее людской поток в этнос, образующий нацию через хранение и передачу культуры, традиций, общественного самосознания данного речевого коллектива³.

Язык занимает главное место среди национально-специфических компонентов культуры, в первую очередь способствуя тому, что культура может быть как средством общения людей, так и средством их разобщения, и являясь при этом знаком принадлежности его носителей к определенному социуму.

Как основной специфический признак этноса язык может выступать и как главный фактор этнической интеграции, и как основной этнодифференцирующий признак этноса. Объединяя в себе эти две противоположные функции, язык оказывается инструментом и самосохранения этноса, и его дифференциации⁴.

Что касается изучения иностранных языков и межкультурной коммуникации, то очевидна их тесная связь и взаимозависимость. Язык, как семиотическая и смысловая система, обладающая обширными семантическими кодами ценностных центраций, оказывая воздействие на личность, транслирует языковое знание в виде лингвистического опыта. При этом у получателя лингвистического опыта появляется не только новый образ мира как компиляция образа мира носителей изучаемого языка, накладывающийся на образ мира родного языка, но и новый комплекс ценностных отношений, также характерных для носителей языка, но претерпевших смысловые и функциональные изменения в сознании реципиента. На стыке этих новообразований формируется новое отношение индивида к окружающему миру, представляя и его личностный рост, и новое качество развития субъекта, в частности в языковой сфере.

Следует сказать, что иноязычный лингвистический опыт выступает одним из значимых оснований становления языковой личности. Многоязычная личность проявляет большую, в сравнении с одноязычной, толерантность мыслительных репрезентаций иных, отличных от родного социума действий и поступков других людей. То, что может быть положительно оценено в одной социальной культуре, в другой может вызывать нейтральное или даже отрицательное отношение.

Обладание иноязычным лингвистическим опытом дает возможность личности помещать оцениваемый факт в широкий контекст культурных и социальных установок различных сообществ, что и позволяет относиться к происходящему с разумной терпимостью⁵.

Кроме того, восприятие личностью иноязычия в соизмерении двух культур (национальной и общемировой) становится основой собственного мировидения и миропонимания, предполагающей восприятие и рефлексию собственной ценности.

¹ Сепир Э. Язык. Введение в изучение речи //Избранные труды по языкознанию и культурологии. М., 1993, С.185.

² Бромлей Ю. В. Этнос и этнография. М., 1975, С. 48.

³ Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация.- М., 2000, С. 159.

⁴ Антипов Г.А., Донских О.А., Марковина И.Ю., Сорокин Ю.А. Текст как явление культуры. Новосибирск, 1989, С.75.

⁵ Тылец В.Г. Психология обучения иностранным языкам: теории, концепции, направления. Таганрог, 2005, С.52.

Таким образом, овладение иноязычным лингвистическим опытом обеспечивает профессиональное и акмеологическое развитие и рост личности как субъекта иноязычной коммуникативной активности и транслятора норм, традиций и миропонимания иноязычной культуры.

КОГНИТИВНО-КУЛЬТУРНЫЕ МОДЕЛИ САМОПРЕЗЕНТАЦИИ В РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

Картелёва Л.И.,

соискатель кафедры английской филологии
Орловского государственного университета

Существующие в языке способы лингвистической презентации Я-концепции (вербальное воплощение интеллектуальных, эмоциональных, поведенческих свойств и характеристик личности) могут быть сведены к общей модели, объясняющей их на концептуально-семантическом и прагматическом уровнях. Речь идёт о «наивной Я-концепции» (folk model of phenomenological Self), вербализуемой носителями языка в повседневной речи.

Очевидно, что индивидуальные Я-концепции являются частными проявлениями общей концепции личности (category of Selfhood) в языке и культуре. Многие исследователи (см. Morris, 1994; Cohen, 1994) утверждают, что категория личности в отдельной культуре – функциональное целое, имеющее сложную организацию (разум, тело, эмоции и т.д.). Данная категория и особенности её структуры во многом зависят от особенностей культуры, присутствующего ей когнитивного стиля, таких параметров, как индивидуализм-коллективизм, преобладающих социальных установок и многих других факторов. Как следствие, несмотря на неперемutable наличие во всех культурах, категория личности (Selfhood) в каждой отдельной культуре будет осмысляться, концептуализироваться и вербализовываться по-разному. Таким образом, можно говорить о релятивистском подходе к данной категории.

На этапе концептуализации категории SELF принадлежит функция хранилища эксплицитной и имплицитной вербальной информации. Эта система знаний состоит из комплекса образных и пропозициональных схем, которые составляют субъективные и межсубъективные ментальные и культурные модели. Концептуализация осуществляется с помощью когнитивно-прагматических и когнитивно-культурных моделей, которые задают последовательность параметров и измерений, связанных с культурой, прототипических свойств, черт и характеристик личности. Этап концептуализации выполняет следующие функции:

а) когнитивная, прагматическая и дискурсивная функции (способы концептуализации личности в прагматических целях в условиях дискурса). То есть, говорящий должен иметь репрезентации в своей когнитивной среде, обладать информацией о других личностях, участвующих в коммуникации, а также обладать контекстуальными знаниями. В то же время, говорящий должен пытаться осуществить ряд намерений: например, отнести высказывание к самому себе, а не к другому; идентифицировать себя; оценить свои качества, свойства (напр., похвалить или раскритиковать).

б) когнитивно-культурная функция (т.е. способы концептуализации личности с помощью ментальных и культурных моделей, существующих в языке и мышлении). Например, говорящий должен обладать некоторыми схематическими репрезентациями: Self (Я) как пространство, Self как вещество, Self как машина и т.д.

Попробуем проиллюстрировать то, как когнитивно-культурная модель «Я как машина» может быть использована для создания самопрезентативных высказываний:

1. Когнитивно-прагматическая функция:

выражение негативной оценки

2. Когнитивно-культурная модель (индивидуалистская, технократическая культура):

Self is a Machine (Я как Машина)

3. Онтологические основания:

А) 1. Поведение человека есть проявление внутренних процессов

2. Внутренние процессы функционируют как механизмы
3. Личность (Self) имеет функциональные части
4. Функциональные части приводятся в движение внутренними процессами
5. Разум подобен машине
6. Разум – средоточие интеллектуальных функций

Б) Аксиологические основания

1. Исправные механизмы управляются хорошо функционирующими деталями
2. Механизм неэффективен, если детали сломаны или отсутствуют
3. Исправно функционирующий разум представляет собой ценность
4. Неисправный разум – ненадёжен и является источником проблем

Далее, в опоре на эту модель, говорящий для достижения прагматической цели выбирает соответствующие вербальные средства. В его распоряжении имеется целый ряд языковых средств (как на системном, так и на лингвокреативном уровнях) для вербального кодирования данной модели.

Возможные варианты реализации модели (в русском и английском языках):

Голова не работает. / В голове замкнуло/ My mind doesn't function well.

Или, например: *But within a few seconds my mind began to function properly again. You are the one, it told me, standing there with a cardboard bag ...* [Mason: 89]

Фразеологические обороты: *винтинков/винтика не хватает (в голове) (разг.)/S/he is missing a screw.* Анализируемая когнитивно-культурная модель (в обоих языках) порождает ряд метафорических и метонимических переносов (Я это машина; разум управляет личностью; разум функционирует как машина, состоящая из деталей; голова – вместилище разума) и предполагает совмещение концептуальных схем «утрата функциональности вследствие утраты одной из механических частей» и «нарушение умственных процессов».

Другая возможная реализация модели: сравнение работы разума с машиной, совершающей поступательное движение вперёд: ср. разг. *Я торможу.* Прагматическая задача осталась прежней: негативная оценка умственных процессов, а основания для метафорического переноса изменились: разум подобен машине; машина движется вперед; торможение есть замедление работы умственных процессов.

Пример выражения положительной оценки своей умственной деятельности в русском языке: *настроится на нужную волну.*

Ср. с похожей метафорой в английском (индивидуальная метафора, выражающая негативную оценку своего состояния, отклонение от нормального поведения).

*I really couldn't cope with any more of ... of him. If I just keep my head down and avoid him until five o'clock and then run out of the door, then everything will be fine. Life will be back to normal and I will stop feeling like my **radar's been skewed by some invisible magnetic force*** [Kinsella: 144].

В следующем примере модель SELF is a MACHINE реализуется на лингвокреативном уровне и воплощается в индивидуальную метафору GRIEF is an ENGINE (ГОРЕ это ДВИГАТЕЛЬ).

Once the engine of grief was revved up, it began ranging, as grief tends to, about the crowded territory of my discontents and regrets [Heller: 196].

В целом, модель ЧЕЛОВЕК КАК МАШИНА очень часто реализуется в самопрезентативных высказываниях как в русском, так и в английском языках. Многочисленные метафоры, базирующиеся на этой ключевой модели, выполняют целый ряд функций. Например:

1. Метафора ЧЕЛОВЕК КАК МАШИНА в контексте самопрезентации часто приобретает негативный характер. Возможные основания для метафорического переноса: Я это машина; работа машины управляется другими людьми; находится под контролем других и лишится свободы воли (выбора)– это плохо.

***В і а сїаїїаї аї і аеїїа** которая может работать без перерыва и отдыха, я человек. Я хочу жить! Забыться бы! Хорошо, что завтра школа, немного отдохну от себя, но зато, правда, не буду знать общество* [Луговская: электронный ресурс].

*I began to wonder if anyone had ever seen me as a person in my own right not simply as a **baby-making machine*** [Koomson 55].

2. Выражение различных типов идентичности, социальных ролей и состояний по схеме: Я это машина; машина может работать в разных режимах; роли и состояния являются режимами.

*Включить то, что включилось, включить белую женщину. Белая женщина. ... **Áéëþ-÷èòüì àì àóó** Рус сварил, ребенок любит [Метелица 6]. –*

*Around midnight I was **in the reflective mode** and walked around the streets by myself.* [Coupland: электронный ресурс].

4. Объяснительная функция – перенос функций машин и их частей на человека с целью объяснения внутренних процессов и поведенческих характеристик:

*Because I have always overdone everything (not my fault, **I was born without a ‘stop’ button**), I completely understand the urge to purge and refashion myself. (ср. без тормозов) [Keyes 190].*

*Когда работается, то мысль неизбежно подчинена чему-то обязательному, она — **ðàáí-éé éííòðòí áíò á óáéááí ìðòóáíí** И **ý ñàí à òàéíé áíò ñòáííé ìí ìðéçáíáñòáó òáéíòíá** простите за технологический образ [Рубина: электронный ресурс].*

Таким образом, можно говорить о следующем алгоритме анализа когнитивно-культурных моделей самопрезентации.

1) Выбор модели: Я как машина, Я как вещество, или, например пространственная модель с параметрами объём (вместилище), ориентация (верх-низ) и т.д.

2) Прагматический аспект – цель высказывания (оценить себя, приписать себе определённые свойства или качества, вербализовать тот или иной тип идентичности и т.д.)

3) Выбор метафорического или метонимического переноса

4) Выбор языковых средств из репертуара предикатов, свободных или устойчивых сочетаний, пословичного фонда и т.д.

Как видно, выбор собственно языковых средств является вторичным шагом, следующим за выбором соответствующей когнитивно-культурной модели, соответствующей прагматическим задачам говорящего. Несмотря на то, что когнитивно-культурная модель задаёт определенный алгоритм создания самопрезентативного высказывания, это процесс нельзя назвать механическим, многие высказывания рождаются на лингвокреативном уровне, включают индивидуальные метафоры (выбор подобных метафор обусловлен уникальностью прагматических задач). При этом важным является тот факт, что говорящий всё же остаётся в рамках той или иной (принятой в языке и культуре) когнитивной модели, тем самым обеспечивая возможность декодирования высказывания адресатом.

Остаётся отметить, что выбор моделей и метафорических проекций (концептуальной области-источника и области-цели) в самопрезентативных высказываниях во многом зависят от параметров культуры. Так, традиционные (коллективистские) культуры, в которых над индивидуальной идентичностью преобладает групповая идентичность и групповые ценности, имеют тенденцию к использованию концептуальных проекций, включающих природу и природные явления, животный и растительный мир, в концептуализации поведенческих, эмоциональных и интеллектуальных свойств личности, в описании функциональных центров личности и их локализации. Ср. в русском языке: *рассудок затуманен, мысль созрела* – умственные процессы, *она вся расцвела* – эмоциональное состояния, *я работаю как вол* – личностные и поведенческие характеристики.

С другой стороны, в индивидуалистических и технократических культурах, преобладают машинные, а в настоящее время и компьютерные метафоры, а также метафоры из различных областей научного знания.

Иллюстрацией может послужить следующее высказывание, в котором герой использует метафору для того, что изобразить осязаемым, предметным, состоящим из молекул, явление внутреннего мира – чувство собственного достоинства:

*I the last few months, I have been to prison, **lost every last molecule of self-respect*** [Hornby: 208].

Та же область-источник, но иная область-цель метафоризации (Я как МОЛЕКУЛА) использована в примере из книги на русском языке:

*Взяла домашний телефон Израилевны, буду следить за собой, пора уж. Тем более, что я теперь буду **īāāīāīāy ī īēāōōā** и мне надо доказать М, что на нём моя жизнь не начинается и не заканчивается* [Метелица: 8]

Кроме того, в “наивную” Я-концепцию (folk model) в западных (техногенных, индивидуалистских) культурах часто встраиваются фрагменты экспертных моделей (из психологии, психоанализа, антропологии и т.д.). Напр., в английском языке: *Whatever **my subconscious** was telling me, it wasn't telling me that* [Mason: 300].

Однако, в русском языке (несмотря на то, что русскую культуру принято считать традиционной и коллективистской) в настоящее время широко распространены машинные метафоры, а также использование экспертных моделей в самопрезентативных высказываниях (ср. мне удалось избавиться от своих комплексов, я чувствую это на подсознательном уровне и т.д.).

Это можно объяснить тем, что культурные парадигмы, подвергаясь изменениям в процессе исторического развития, влияют на изменение источников метафоризации и преобладающих когнитивно-культурных моделей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Cohen A. Self-consciousness: An Alternative Anthropology of Identity. London: Routledge, 1994
2. Morillas J.M.M. The Concept of Self: Some Cognitive-Cultural Considerations Concerning its Categorization and Expression in Spanish and English. http://elies.rediris.es/Language_Design/LD2/morillas.pdf
3. Morris B/ Anthropology of the Self: The Individual in Cultural Perspective/ London: Pluto Press, 1994.
4. Coupland D. Microserfs. Электронный ресурс: www.lib.ru
5. Heller Z. Notes on a Scandal. Penguin Books, London, 2004.
6. Hornby N. A Long Way Down. Penguin Books, London, 2005
7. Keyes M. Further Under the Duvet. Penguin Books, London, 2006.
8. Kinsella S., Can You Keep A Secret? Bantam Dell A Division of Random House, Inc. New York, 2006
9. Mason M. The Catch. Time Warner. Printed by Clays Ltd. 2004.
10. Millington M. Love and Other Near Death Experiences. Weidenfeld & Nicolson, London, 2006.
11. Луговская Н. Хочу жить! Дневник советской школьницы. Электронный ресурс: http://lib.aldebaran.ru/author/lugovskaya_nina/lugovskaya_nina_hochu_zhit_dnevnik_sovetskoi_shkolnicy/
12. Метелица К. Дневник Луизы Ложкиной. – М., Этерна, 2008
13. Рубина Д. Больно только когда смеюсь. Электронный ресурс: http://lib.aldebaran.ru/author/rubina_dina/rubina_dina_bolno_tolko_kogda_smeyus

КЛЕВЕТА В ОТНОШЕНИИ СУДЬИ: ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА ВЫСКАЗЫВАНИЯ

Костромичева М.В.,

доцент кафедры русского языка
Орловского государственного университета,
к.филол.н., доцент

Клевета относится к вербальным правонарушениям. Понятие «клевета» раскрывается в статье 129 Уголовного кодекса РФ: «распространение заведомо ложных сведений, порочащих честь и достоинство другого лица или подрывающих его репутацию». Статья 298 УК РФ предусматривает ответственность за клевету в отношении судьи, присяжного заседателя, прокурора, следователя, лица, производящего дознание, судебного пристава, судебного исполнителя. Для квалификации клеветы (в том числе, и в отношении судьи) нередко требуется привлечение лингвиста в качестве специалиста или эксперта.

К компетенции лингвиста не относится установление заведомого характера деяния и верификация распространённых сведений на предмет их истинности или ложности, однако сам характер сведений, а также прямая адресация высказывания конкретному лицу устанавливаются (при необходимости) с привлечением специалиста в области лингвистики. Приведём конкретный пример.

Во время судебного заседания под председательством судьи М. (по частной жалобе истца на определение мирового судьи) после оглашения судьей М. апелляционного определения истец С. произнёс фразу: «Решение судьи М. сфальсифицировано, и он взял взятку у представителей П-го лесхоза». Как следует из протокола судебного заседания, данное высказывание было произнесено после возвращения суда из совещательной комнаты, при этом непосредственно произнесению высказывания предшествовало вынесение и оглашение апелляционного определения, а также разъяснение председательствующего сторонам порядка ознакомления с протоколом судебного заседания и принесения на него замечаний. Следует отметить, что непосредственно после произнесения высказывания «Решение судьи М. сфальсифицировано, и он взял взятку у представителей П-го лесхоза» председательствующий дал разъяснение об уголовной ответственности за обвинение судьи в совершении тяжкого преступления, но С. проигнорировал замечание и, несмотря на предупреждение, не только не извинился, но и потребовал извинений от судьи в письменной форме. В результате высказывание «Решение судьи М. сфальсифицировано, и он взял взятку у представителей П-го лесхоза» было расценено как клевета в связи с чем было возбуждено уголовное дело и назначена лингвистическая экспертиза, на разрешение которой были поставлены следующие вопросы: 1) Содержится ли в представленном для анализа высказывании негативная информация о каком-либо лице? 2) В какой форме выражена негативная информация о лице: в форме мнения, оценочного суждения или утверждения? 3) Относится ли негативная информация, содержащаяся в представленном для анализа высказывании, к судье М. либо к какому-либо другому лицу?

Лингвистическое исследование показало следующее.

Общее содержание представленного для анализа высказывания складывается из: 1) обвинения судьи М. в фальсифицировании судебного решения; 2) обвинения судьи М. в получении взятки. В практике лингвистической экспертизы под негативной информацией понимаются сведения о том или ином явлении, предмете или лице, содержащие отрицательный компонент. Под негативной информацией эксперты понимают такую информацию (сведения), которая содержит отрицательные характеристики с юридической и/или этической точки зрения. Информация, представленная в анализируемом высказывании, является негативной, она содержит отрицательную как с юридической, так и с этической точки зрения характеристику действий судьи М., т.к. фальсификация (см. *фальсифицировать* – «Подделывать, искажать, подменять с целью выдать за подлинное, настоящее» [1: с. 1415]) судебного решения (см. *решение* – «То, что принято в результате обсуждения; постановление» [1: с. 1121]) и получение судьей взятки (см. *взятка* – «Деньги или материальные ценности, даваемые должностному лицу как подкуп, оплата действий в интересах дающего» [1: с. 128]; «Деньги или деньги, даваемые должностному лицу как подкуп, как оплата преступных, караемых законом действий» [2: с. 76]) – это преступные деяния.

При выявлении формы выражения негативной информации было выявлено, что сведения не представлены в форме мнения, т.к. выражение мнения распознается в тексте по наличию определенных маркеров, указывающих на субъекта мнения (*по моему мнению, я считаю, я полагаю*), и по невозможности верифицировать сведения, тогда как в представленном для анализа высказывании такие маркеры отсутствуют, а сами сведения могут быть проверены на соответствие действительности. Оценка же состоит в определении качества, уровня, значимости чего-либо с точки зрения адресата высказывания и является одной из разновидностей мнения. Таким образом, высказывание «Решение судьи М. сфальсифицировано, и он взял взятку у представителей П-го лесхоза» представлено в форме утверждения (а не мнения или оценочного суждения), т.к. грамматически выражено формой повествовательного пред-

ложения, может быть проверено на соответствие действительности (верифицировано), в высказывании отсутствуют специальные маркеры, указывающие на неуверенность, сомнение (например, *возможно, может быть, очевидно* и др.), а также маркеры указывающие на субъекта мнения (*по моему мнению, я считаю, я полагаю* и др.).

При ответе на вопрос, относится ли негативная информация, содержащаяся в представленном для анализа высказывании, к судье М. либо к какому-либо другому лицу, было установлено следующее. В высказывании «Решение судьи М. сфальсифицировано, и он взял взятку у представителей П-го лесхоза» понятие «лицо» выражают словосочетание *судья М.* и местоимение *он*. Словосочетание *судья М.* содержит прямое указание на адресацию высказывания непосредственно и именно названному лицу (с указанием на профессиональный статус). Местоимение *он* относится к разряду лично-указательных, т.е. тех, которые «указывают на лицо или предмет, о котором идет речь» [3: с. 195] и могут замещать имена существительные. Само высказывание представлено в форме сложносочиненного предложения, части которого связаны соединительным союзом «и», где союз выражает отношение перечисления. Во второй части сложносочиненного предложения местоимение *он* является подлежащим и служит обозначением субъекта (исполнителя) действия, заключающегося в получении взятки. Речь в первой части высказывания идет только об одном лице, т.е. местоимение *он* относится к судье М. Таким образом, поскольку части сложносочиненного предложения соединены союзом *и*, можно сделать вывод, что в целом в высказывании перечислены действия именно судьи М. (фальсификация решения, получение взятки), а не какого-либо другого лица.

Таким образом, высказанное в зале суда обвинение в адрес председательствующего стало основанием для привлечения говорящего к уголовной ответственности по статье, предусматривающей наказание, в том числе, и в виде лишения свободы (клевета, соединенная с обвинением судьи в совершении тяжкого или особо тяжкого преступления, наказывается лишением свободы на срок до четырех лет). Однако следует отметить, что в связи с гуманизацией уголовного законодательства в настоящее время Государственной Думой во втором чтении принят проект Федерального закона № 559740-5 «О внесении изменений в Уголовный кодекс РФ», согласно которому, в частности, из действующего УК планируется исключить статью 298 (Клевета в отношении судьи, присяжного заседателя, прокурора, следователя, лица, производящего дознание, судебного пристава, судебного исполнителя) и одновременно дополнить КоАП РФ статьей 17.16. (Клевета в отношении судьи, присяжного заседателя, прокурора, следователя, лица, производящего дознание, судебного пристава, судебного исполнителя), максимальное наказание по которой для физических лиц (не являющихся должностными лицами) предусматривает наложение штрафа в размере пяти тысяч рублей или административный арест на срок до пяти суток. Сам по себе данный факт может только приветствоваться, однако вопрос о необходимости привлечения специалиста-лингвиста при квалификации высказывания как клеветнического, по-видимому, остаётся актуальным.

ЛИТЕРАТУРА

1. Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб.: Норинт, 2000.
2. Ожегов С.И. Словарь русского языка. – М.: «Советская энциклопедия», 1973.
3. Розенталь, Д.Э., Теленкова, М.А. Словарь-справочник лингвистических терминов. – М.: ООО «Издательство Астрель», ООО «Издательство АСТ», 2001.

ИНВЕКТИВНЫЕ ЗООМЕТАФОРЫ В СТИЛИСТИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

Костромичева М.В.,

доцент кафедры русского языка
Орловского государственного университета,
к.филол.н., доцент

Поваляева Т. Э.,

студентка филологического факультета
Орловского государственного университета

Оскорбление как правонарушение представлено различными разрядами инвективной лексики. В практике лингвистической экспертизы на сегодняшний день выделяют такие ряды инвективных слов, как [см. 1; 2; 7]: констатирующие номинации лица, обозначающие негативную с точки зрения интересов общества (или его большинства) деятельность, занятия, поступки, поведение кого-либо (*бандит, жулик, мошенник, педераст, проститутка* и т.п.); слова, содержащие экспрессивную негативную оценку поведения человека без отношения к указанию на конкретную деятельность, обычно – с экспрессивной окраской публицистического характера (*негодяй, хам, предатель, ренегат* и т.д.); названия ряда профессий, которые в переносных значениях приобретают резко негативную оценку, обычно сопровождаемую экспрессией неодобрения, презрения и т.п. (*бюрократ, коновал, мясник, палач* и т.п.); глаголы с осуждающим значением или прямой негативной оценкой (*воровать, ханнуть, хулиганить, врать, прикарманивать* и т.п.); прилагательные с осуждающим значением или прямой негативной оценкой (*продажный, подлый* и т.п.); эвфемизмы для слов первого разряда, сохраняющие тем не менее их негативно-оценочный характер (*женщина легкого поведения, падшее создание, интердевочка* и т.п.); слова и словосочетания, в самом значении которых заключена негативная (бранная) оценка кого-либо как личности, с достаточно сильной негативной экспрессией и явной инвективной функцией (*дурак, гадина, идиот, придурок* и т.п.); нецензурные слова, использованные в качестве характеристики определённого лица; специальные негативно-оценочные окказиональные образования, создаваемые с целью оскорбить, унижить адресата, подчеркнуть со стороны говорящего (пишущего) активное неприятие адресата, его деятельности, поступков, презрение к нему и т.п. (*коммуняка, дерьмократ* и т.п.); ненормативные единицы из жаргонов, территориальных диалектов, просторечия (*растащилка, вертухай* и под.); пейоративные имена (*Колька, Люська* – в определённом контексте); диминутивы с суффиксами, придающими слову пренебрежительно-уменьшительный оттенок (*депутатишка, лекаришка* и пр.); сравнения с одиозными историческими и литературными персонажами.

Один из разрядов инвективной лексики представлен зоосемантическими метафорами, содержащими, как правило, негативные оценки адресата речи и грубую экспрессию неодобрения, презрения, пренебрежения и т.п. (*быдло, кобель, кобыла, рыло, свинья* и т.п.).

Зоометафора (анималистическая метафора [лат. *Animal* «животное»]) – это «метафора, основанная на сравнении с животным» [4: с. 396]. Под инвективой принято понимать «резкое выступление против кого-, чего-либо; оскорбительную речь; брань, выпад» [7: с. 284], в инвективе содержится резкая отрицательная оценка другого лица, выражаемая в скрытой или явной агрессии [6: с. 30-31]. Таким образом, одной из функций инвективных зоометафор является оскорбление человека путем сравнения его с каким-либо животным (на основе внешнего сходства, повадок, образа жизни).

Основным источником, отражающим стилистическое расслоение лексики, для лингвиста-эксперта является толковый словарь. Инвективные зоометафоры находят свое отражение как в словарях ненормативной лексики, так и в нормативных словарях, поскольку «среди инвективной лексики есть и известная часть бранных слов и словосочетаний, входящих в литературный язык. Они относятся к разговорной речи, к разным её пластам. В основном это слова и словосочетания, принадлежащие периферийным пластам разговорной речи, граничащим с просторечием и жаргонами. Такого рода слова и словосочетания в своём

большинстве образуют так называемую грубо просторечную лексику – «нижний» разряд разговорной лексики литературного языка» [7: с. 285].

В ходе исследования мы обратились к анализу стилистической характеристики инвективных слов и выражений, являющихся зоометафорами или включающих номинации животных, зафиксированных в «Толковом словаре русского языка» С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой [см. 5]. Основным средством стилистической характеристики слова в лексикографических источниках являются словарные пометы – «лексикографическое средство указания на особенности разъясняемой словарной единицы, одно из средств выполнения словарем его нормализаторской роли» [3]. В анализируемом нами источнике отмечаются следующие пометы, указывающие на стилистическую характеристику слов: *книжн.*, *высок.*, *офиц.*, *разг.*, *прост.*, *обл.*, *презр.*, *неодобр.*, *пренебр.*, *шутл.*, *ирон.*, *бран.* Такая позиция отнесенности всех словарных помет к стилистическим широко распространена в современной лингвистике: «и экспрессивно-оценочные, и функционально-прикрепленные средства языка могут входить (в одинаковой степени и в сходной роли) в сферу стилистических градаций как средства, конституирующие языковые стили» [цит. По: 3]. На наш взгляд, следует различать стилистические пометы, которые указывают на разновидности (стилистическое расслоение) устной и письменной речи, от помет функциональных, указывающих на функцию употребления слова (*бран.*) и эмоционально-оценочных, указывающих на эмоциональную окраску слова и оценку говорящего (*презр.*, *неодобр.*, *пренебр.*, *шутл.*, *ирон.*, *груб.*).

Опираясь на это положение, то есть исключив из данного перечня помет те, которые на наш взгляд относятся к функциональным и эмоционально-оценочным, к собственно стилистическим пометам мы отнесли следующие: (*книжн.*), т.е. книжное, означает, что слово характерно для письменного, книжного изложения; часто эти слова, особенно иноязычные по происхождению, являются синонимами слов нейтральной лексики; (*высок.*), т.е. высокое, означает, что слово придаёт речи оттенок торжественности, приподнятости; свойственно публицистической, ораторской, а также поэтической речи; (*офиц.*), т.е. официальное, означает, что слово свойственно речи официальных отношений, а также речи канцелярско-административной; (*разг.*), т.е. разговорное, означает, что слово свойственно обиходной, разговорной речи, служит характеристикой явления в кругу бытовых отношений; оно не выходит из норм литературного словоупотребления, но сообщает речи непринуждённость; (*прост.*), т.е. просторечное, означает, что слово свойственно нелитературной городской разговорной речи, содержащей в себе немало недавних диалектных слов, слов жаргонного происхождения, новообразований, возникающих для характеристики разнообразных бытовых отношений, словообразовательных вариантов нейтральной лексики; просторечное слово используется в литературном языке как стилистическое средство для придания речи оттенка шутливого, пренебрежительного, иронического, грубоватого и др.; часто эти слова являются выразительными, экспрессивными синонимами слов нейтральной лексики; (*обл.*), т.е. областное, такой пометой снабжаются местные, диалектные слова, употребляемые в речи при необходимости обозначить то или иное явление средствами не литературного языка, а местного говора, диалекта [см. 5: с. 8].

В «Толковом словаре русского языка» С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой нами был выявлен ряд слов и выражений, являющихся инвективными зоометафорами или высказываниями инвективного характера, включающими названия животных, которые мы разделили на группы.

К первой группе относятся стилистически нейтральные слова и выражения (14 единиц), среди которых выделяются 3 лексические единицы (*нёс* – «перен. О человеке, готовом на любые низкие поступки, дела (*презр. Бран.*)»; *пиявка* – «перен. О жадном и жестоком человеке, живущем за счёт других»; *червяк* – «перен., презр. О жалком, ничтожном человеке») и 11 устойчивых словосочетаний, в состав которых входит названия животных (*долбит как дятел* – «неодобр. Много раз повторяет одно и то же»; *ах ты змееныш эдакий!* – «перен.; бран.»; *как лютой змей кто-н.* – «очень зол»; *змею отогреть на своей груди* – «перен. О том, кто был обласкан, а позднее оказался врагом, предателем»; *не человек-змея!* – «о злом и яз-

вительном человеке»; *надулся, как индюк кто-н.* – «о том, кто имеет гордый и глупый вид»; *крысы бегут с тонущего корабля* – «перен., неодобр. О тех, кто бросает общее дело с трудный, опасный момент»; *пауки в банке* – «о хищных, злых людях, борющихся друг с другом»; *цепной пёс* – «перен., презр. Чей-нибудь злой прислужник»; *верный пёс* – «перен., презр. Чей-нибудь верный прислужник»; *невелика птица* – «презр. О незначительном человеке»).

Ко второй группе нами были отнесены два книжных устойчивых словосочетания, в состав которых входят названия животных (*канцелярская крыса* – «(устар. Пренебр.) мелкий служащий, чиновник»; *заблудшая овца* – «(перен.) о сбившемся с правильного пути человеке»).

Наиболее многочисленной является группа разговорных слов и выражений (22 единицы), среди которых 10 лексических единиц (*гадюка* – «разг. О злой, язвительной женщине»; *бирюк* – «перен., разг. Нелюдимый и угрюмый человек»; *ехидна* – «перен., разг. Злой, язвительный и коварный человек»; *клуша* – «перен., разг., неодобр. Медлительная, нерасторопная женщина»; *лиса* – «перен., разг. Хитрый, лживый человек»; *лошадь* – «разг., неодобр. О крупной и нескладной женщине»; *обезьяна* – «разг., неодобр. Человек, склонный к подражания другим, гримасник, кривляка»; *попугай* – «разг., неодобр. О том, кто повторяет чужие слова, не имея собственного мнения»; *свинья* – «разг. О том, кто поступает низко, подло, а так же (грубо) о грязном человеке, неряхе»; *слизняк* – «перен., разг., презр. О безвольном, ничтожном человеке») и 12 устойчивых словосочетаний, в состав которых входит названия животных (*ночные бабочки* – «разг. Проститутки»; *стадо баранов* – «перен., разг., пренебр. О тех, кто, не имея собственного мнения, слепо следует за кем-чем-н.»; *от него как от козла молока* – «разг., неодобр. Нет никакой пользы, проку»; *всякая козявка будет меня учить* – «перен., пренебр. О ребенке или маленьком, незначительном человеке»; *как курица с яйцом носится кто-н.* – «разг., неодобр. Уделяет слишком много внимания кому-чему-н. незначительному»; *как сонная муха кто-нибудь* – «разг., неодобр. Вял или сонлив»; *не будь овцой* – «перен., разг. Не будь бессловесным, чересчур покорным»; *прикинулся невинной овечкой* – «разг., неодобр. Будто ничего не знает, ни в чём не виноват»; *ни пава, ни ворона* – «разг., неодобр. О том, кто отбил от одних и не пристал к другим»; *свинья (езде, всегда) грязь найдёт* – «разг., неодобр. О том, кто всегда найдёт себе подходящую компанию»; *трещит как сорока* – «разг., неодобр. Говорит быстро и громко»; *тащиться (ползти) как черепаха* – «разг., неодобр. Очень медленно»).

Второй по численности является группа просторечных слов и выражений (20 единиц), среди которых 16 лексических единиц (*боров* – «перен., прост., пренебр. О толстом, неповоротливом человеке»; *буйвол* – «перен., прост. О грузном, толстом человеке»; *выдра* – «прост. О некрасивой и худой женщине»; *гад* – «перен., прост., презр. Мерзкий, отвратительный человек, гадина»; *гадина* – «прост., презр. Человек, который вызывает к себе отвращение, презрение»; *гнида* – «перен., прост. Бран. Ничтожный, подлый человек»; *жук* – «перен., прост., неодобр. Ловкий человек, плут»; *кобыла* – «перен., прост. Пренебр. О рослой, нескладной женщине»; *кот* – «перен., прост., перенбр. О похотливом, сластолюбивом мужчине»; *легавый* – «прост., пренебр. Сыщик, доносчик»; *осел* – «перен., прост., бран. О тупом упрямце, глупце»; *скот* – «перен., прост., бран. То же, что скотина»; *скотина* – «перен., прост., бран. Грубый, подлый человек»; *сука* – «перен., прост. Бран. Негодяй, мерзавец»; *тетеря* – «перен., прост., неодобр. Нескладный, медлительный и непонятливый человек»; *щенок* – «перен., прост., бран. Мальчишка, молокосос») и 4 устойчивых словосочетания, в состав которых входят названия животных (*какдохлая кошка кто-н.* – «прост. Болезненно вял»; *дрянная кошка* – «прост. О худом, болезненном человеке»; *глуп как сивый мерин* – «прост. Безнадёжно глуп»; *сукин сын (сукины дети)* – «прост., бран. О негодяе, негодях»).

Две номинации зафиксированы в составе словосочетаний, стилистическая окраска которых различается. Так просторечными являются включающие номинацию *корова* выражения *как на корове седло сидит что-н. на ком-н.* – «о нескладно сидящей одежде», *этакая корова* – «о толстой, неуклюжей женщине», *как корове седло идет что-н. кому-н.* – «обычно об

одежде: совершенно не идет, не к лицу и ли не годится», а разговорным – выражение *корова на заборе* – «о неуклюжем всаднике». Включающие номинацию *собака* выражения могут быть как разговорными (*как собак нерезаных* – «очень много кого-нибудь», *собака на сене* – «о том, кто, имея что-нибудь, не пользуется этим сам и не дает пользоваться другим»), так и просторечными (*каждая или любая собака* – «о людях: любой, каждый»).

Таким образом, в процессе исследования нами было выявлено, что с точки зрения стилистической характеристики инвективные высказывания – слова и выражения, являющиеся зоометафорами или включающие номинации животных, наиболее представлены в разговорной речи и просторечии, что явно указывает на стилистическую сниженность данного пласта лексики. При том что нами был выявлен значительный пласт инвективной лексики, фиксация инвективных зоометафор в нормативном словаре довольно узкая и не всегда отражает то значение, которое реализуется при реальном употреблении слова в качестве оскорбления. Поэтому для решения вопроса о том, является ли спорное высказывание или слово оскорбительным, лингвистам-экспертам следует обращаться и к ненормативным источникам, которые могут предоставить более полную картину словоупотребления.

ЛИТЕРАТУРА

1. Базылев В.Н., Бельчиков Ю.А., Леонтьев А.А., Сорокин Ю.А. Понятие чести и достоинства, оскорбления и ненормативности в текстах права и средств массовой информации. М.: Фонд защиты гласности, 1997.
2. Бельчиков Ю.А., Горбаневский М.В., Жарков И.В. Методические рекомендации по вопросам лингвистической экспертизы спорных текстов СМИ. М., 2010.
3. Емельянова О.Н. Эмоционально-экспрессивная характеристика лексики в толковых словарях современного русского языка // Журнал Сибирского федерального университета. Гуманитарные науки. 2009 2 (5) – <http://elibr.sfu-kras.ru/handle/2311/1573>.
4. Москвин В. П. Выразительные средства современной русской речи: Тропы и фигуры. Терминологический словарь. 3-е изд.-Ростов-на-Дону: Феникс, 2007.
5. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка 4-е издание, дополненное. – М.: Азбуковник, 1999.
6. Осадчий М.А. Правовой самоконтроль оратора. – М.: Альпина Бизнес Букс, 2007.
7. Цена слова: Из практики лингвистических экспертиз текстов СМИ в судебных процессах по искам о защите чести, достоинства и деловой репутации. / Под ред. Проф. М.В. Горбаневского. 2-е из., испр. И дом. – М.: Галерея, 2002.

ФОРМИРОВАНИЕ ЯЗЫКОВОЙ И КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ ИНОСТРАННЫХ СЛУШАТЕЛЕЙ

Кузнецова О.Л.,

заведующий кафедрой русского языка
Санкт-Петербургского университета МВД России,
к.пед.н., доцент

Формирование компетенции межкультурного общения предполагает наличие умений воспринимать, понимать чужую культуру с терпимостью, объяснять поведение ее носителей их глазами (Костомаров В.Г., 1999). Данный процесс связан с переходом от языковой компетенции через коммуникативную к компетенции межкультурного общения.

На наш взгляд, целесообразно рассматривать межкультурную коммуникацию как лингводидактическую категорию, которую в учебных целях следует интерпретировать как многоуровневое образование (Кузнецова О.Л.2000).

Национально-культурная специфика любого письменного или устного речевого произведения проявляется именно в ситуации МКК, участники которой обнаруживают в процессе общения наличие "смысловых скважин" - лакун (как лингвистических, так и культурологических), описанных в исследовании И.Ю. Марковиной (М.,1982).

Вслед за современными исследователями (Прохоров Ю.Е., Харченкова Л.И., Турунен Н.) понятие межкультурного общения понимается нами как ситуация, в которой адресант и адресат сообщения представляют разные культуры и язык является инструментом общения. Оно основывается на культуре, и от неё зависит, как сообщения принимаются и понимаются. Процесс овладения компетенцией межкультурного общения можно упрощенно представить следующим образом: наблюдение - формирование значения – коммуникация. Когнитивные элементы тесно связаны с эмоциональными, а именно выражение эмпатии (сопереживания) - это один из самых важных способов в обучении культурному общению и в развитии межкультурного сознания учащихся.

Компетентная межкультурная коммуникация всегда связана с контекстом, она предполагает достаточные знания, соответствующую мотивацию и квалифицированные действия, и также задает поведение, которое целесообразно и эффективно.

При изучении русско-финского межкультурного взаимодействия мы опирались на общность, связанную с единством культурных идеалов, единством культурной эпохи и единством культурного региона.

В данной статье рассмотрим языковой и коммуникативный уровни коммуникации.

Языковой уровень

Язык служит основным инструментом в познании окружающего мира и определяет тип мировосприятия. Тезаурус языка - это тезаурус бытия народа. Ярче всего культурный потенциал языковых фактов выявляется на материале лексики. Лексические сопоставления приводят к обнаружению сходства и различия в словарном составе сравниваемых языков. Сходство русской лексики с финской, например, может быть обусловлено принадлежностью какого-то слова к международному терминологическому языку европейской цивилизации, фактами заимствования из голландского, немецкого языков, что определяется особенностями исторических контактов обеих стран.

Сопоставительный анализ лексических единиц позволяет обнаружить специфику национальных образов мира. На языковом уровне могут возникать лексические, грамматические и стилистические лакуны.

Сопоставление грамматик постоянно происходит на уроках. Функция грамматического сопоставления прежде всего - обучающая. Но язык – основной инструмент познания, задающий тип мировосприятия и миропонимания (согласно концепции Сепира – Уорфа). Специфика языка определяет специфику картины мира, складывающейся в сознании его носителей.

В лексических различиях проявляется специфика национальных образов мира. Здесь перспективными путями являются: 1) обращение к этимологии слова; 2) сопоставление специфических качеств языков. Видимо, другие разделы грамматики могут быть не менее продуктивны в отношении языковых сопоставлений.

Приведем несколько примеров.

Рассмотрим лакуны, возникающие, например, при изучении темы: «Человек, портрет, характер» в финской аудитории.

I. Языковые лакуны. Появление языковых лакун вызвано тем, что «каждый язык по своему членит окружающую действительность» (Антипов Г.А. и др., 1989).

А. Лексические лакуны.

К абсолютным лексическим лакунам для русского языка можно отнести следующие финские слова:

фин. Kärki - рус. Кончик носа; фин. Kaula- рус. Шея спереди; фин. Niska - рус. Шея сзади; фин. Lahne - рус. Женское бедро; фин. Hartiat - рус. плечи; фин. Olkaraa – рус. плечо; фин. Ніріа - рус. Красивая, нежная, ухоженная кожа женщины. В финском языке существуют синонимы, имеющие только один русский эквивалент, например: рус. "веснушки"- фин. "pisama", "kesakko"; рус.«волосы» -фин. "hiukset" (шевелюра). Относительными лексическими лакунами являются такие слова, которые имеют сходное значение, но отличную атрибуцию в двух языках. *Относительными лакунами* для финского языка являются такие уни-

кальные понятия русской культуры, как «душа», «судьба», «тоска». В финском языке существуют слова "henki", "sielu" и "mieli", причем значение последнего не имеет эквивалента в русском языке - «мнение, желание». Согласно словарю: "Sielu"- робкая душа, робкий человек, религиозная душа. "Mieli"-душа ж., расположение духа, охота, желание, "mielensä mukaan"-по нраву, по душе, "minun mielestäni" — по моему мнению; Финское понятие "mieli" является лакуной для русского языка. Это слово образует множество производных: "mieliala"- настроение, "mieliharmi"- досада, "mielihyvä"- удовольствие, "mielihyvin"-с удовольствием, "mielijohde"-идея, причуда, "mielikuvitus-sellinen" – фантастичный, "mielikuvitus"- воображение, "mielipaka" -неудовольствие, огорчение, "mielipide"- мнение и т.д.

В. Стилистические лакуны. Стилистические лакуны выделяются на основании отсутствия слова со сходной стилистической окраской в одном из сопоставляемых языков. *Стилистическими лакунами* для финского языка являются следующие русские слова: рус. "глаза, очи"- фин. Silmät; рус. "рот, уста" - фин. huuli; рус. "щека, ланита"- фин. poski; рус. "грудь, перси"- фин. rinta, ravi. Стилистической лакуной для русского языка можно назвать устаревшее финское слово "uuma"- талия.

С. Грамматические лакуны.

Абсолютной грамматической лакуной для финнов является категория рода. В финском языке существует только одно указательное местоимение третьего лица, единственного числа: "han"- «он, она, оно». В качестве относительной грамматической лакуны можно выделить частое употребление императива в русском языке. Финны стараются избежать категоричности, поэтому повелительное наклонение используют в речи очень редко и только в определенных сферах общения: в армии, в больнице. Например: фин. Avatkaa suu! - Откройте рот! Чаще используются глаголы в форме 3 л. ед. ч., обозначающие действие, не относящееся к конкретному лицу, а относящиеся к людям вообще. Например: '*Tässä salissa ei voi puhua'. – "В этом зале нельзя разговаривать". '*Tässä ravintolassa voi tanssia' – "В этом ресторане можно танцевать". 'Saako täällä tupakoida?' – "Можно ли здесь курить?"

Коммуникативный уровень

На данном уровне анализируются особенности национального коммуникативного поведения русских и финнов.

Под коммуникативным поведением понимается традиции и нормы той или иной лингвокультурной общности, реализуемые носителями одного языка и культуры в общении на родном языке (Харченко Л.И., 1997).

Структура описания коммуникативного поведения представителей того или иного народа должна включать в себя описание вербального и невербального поведения носителей языка. Если вербальное коммуникативное поведение рассматривать как совокупность норм и традиций общества, связанную с содержанием и особенностями организации речевого общения в различных ситуациях, то невербальное поведение – это совокупность норм, традиций, регламентирующих, в частности, особенности мимики, жестов, свойства звуковой фонации, выразительные движения, сопровождающие речевое высказывание и несущие к его содержанию дополнительную информацию

На этом уровне мы проводим сопоставление речевых этикетов русского и финна. Сравнение форм приветствия и т. д. ведет к выявлению различий этнических стереотипов поведения и этнических менталитетов. Мы рассматриваем подробно те сферы жизни, которые могут иметь большое значение для осуществления успешного коммуникативного поведения. Отличительные особенности сопоставляемых культур могут быть проанализированы более или менее подробно, что обусловливается близостью сопоставляемых инокультурных социумов. Сравнивая 2 модели коммуникативного поведения – российскую и финскую – мы обращаем внимание на те сферы общения, которые с большей вероятностью могут быть одними из причин культурного шока.

Мы рассматриваем общение в семье, деловое общение, традиционные места общения финнов и русских. На невербальном коммуникативном уровне – это жесты и мимика, дис-

танция при общении, символика цвета, коммуникативные табу. Например, в финской среде нет жеста эквивалента русским жестам, обозначающим рост и размер: русские поднимают руки, опускают, разводят в стороны. Русские сопровождают свою речь жестикуляцией. Финнам это чуждо. Кроме того, интересно проследить сопоставление жанров, типов и форм речи (то есть остроумие, лесть, хамство, ирония и т.д.), например, традиционное явление русской бытовой речи как “нытье” и финское недовольство. На эти явления в учебной практике надо больше уделять внимания. Каждый, владеющий иностранным языком, сталкивается с этими формами протекания речевой жизни, речевой повседневности.

На этом уровне хотелось бы провести сопоставление риторических стилей средств массовой коммуникации (газеты, ТВ, реклама).

Суть сопоставления речемыслительных процессов – сопоставление национальных типов речевой деятельности. Оно может осуществляться следующим образом:

сопоставление фразеологического и паремиологического (пословицы, поговорки) фондов русского и финского языков. Пословицы и поговорки моделируют жизненные ситуации и отношения между людьми, но в отличие от формальной логики делают это в своеобразной форме. Паремии всех народов мира едины по своему логическому смыслу и отличаются в образно-смысловом плане. Освоение пословичной стратегии другого народа – один из самых продуктивных и удобных способов познания иного этнического мироощущения и формирования двуязычного сознания. Например,

не имеют финского эквивалента русские пословицы: Красота – это походка.

Общее для финнов и русских: Одной красотой не проживешь.

Финский – Красоту в щи не положишь.

Русский - С лица не воду пить, умела бы пироги печь.

Не имеют русского эквивалента финские пословицы:

1. Красота – зло (бедняку от красоты – одна неприятность).

2. Красота – это, что имеешь (среди девушек и жаба за красавицу сойдет).

Представляется, что уровневый подход к понятию МКК дает возможность всесторонне и комплексно рассмотреть межкультурную коммуникацию в учебном процессе, учесть специфику взаимодействия разнонациональных коммуникантов, а также особенности различных компонентов межкультурной ситуации (участники общения, язык общения, мотивы и цели общения, каналы связи и др.).

ОСОБЕННОСТИ СЕМАНТИКИ РАЗНОЯЗЫЧНЫХ ЭКВИВАЛЕНТНЫХ ПОСЛОВИЦ КАК ОДИН ИЗ ВАЖНЕЙШИХ АСПЕКТОВ СОПОСТАВИТЕЛЬНОЙ ПАРЕМИОЛОГИИ

Мамедова Е.Г.,

учитель русского языка и литературы
МОУ – Средней школы №1 г. Мценска
Орловской области, к.филол.н.

Паремии занимают особое место в языковой картине мира, поскольку они «наиболее образно, аргументировано и лаконично позволяют выразить целый комплекс культурных смыслов, связанных с феноменом человека, человеческого сознания и человеческого общества»¹. Эстетические представления народа, особенности его национального характера, ценностные ориентиры наиболее ярко отражаются в пословичных паремиях, поскольку в них «заклочены народная мудрость и ум, обобщены результаты опыта, полученные народом на протяжении веков»². В нашей работе мы обратимся к семантике эквивалентных русских,

¹ Алефиренко Н.Ф., Семененко Н.Н. Фразеология и паремиология: Учебное пособие для бакалаврского уровня филологического образования. – М.: Флинта, Наука, 2009. – С.311

²Эфендиев П. Азербайджанская устная народная литература. - Баку: «Маариф», 1981.- С.85

английских, немецких и азербайджанских пословиц. Сопоставительное изучение разноязычных паремий дает возможность прикоснуться к «неисчерпаемой сокровищнице» образных, ярко коннотативных выражений языка, помогающих воспринять сложные и отвлеченные понятия на основе конкретных и наглядных представлений и картин.

Обращение к семантической структуре пословиц позволяет получить наиболее полное представление об их синонимии. Как известно, семантическая структура пословиц – явление многоаспектное. Ее основу составляют, по меньшей мере, два облигаторных взаимосвязанных и взаимодействующих компонента – сигнификативный и денотативный. *Сигнификативный* компонент паремии – это понятийное содержание, на основе которого сформировано значение пословицы. В *денотативном* компоненте значения реализуется предметно-вещественное содержание слов, составляющих паремию. Основным отличием пословицы от непословичного выражения является обобщенный характер денотативного аспекта значения – имеется в виду не конкретное событие, отношение и т.д., а характерные особенности целой серии ситуаций, объединенных в единый тип. Система обобщенных образов реальной действительности, регулярно воспроизводимых в текстах пословичных паремий, представляет собой денотативное пространство пословиц.

В паремиологии вопрос об облигаторности *коннотативного* компонента значения пословиц остается открытым. Некоторые лингвисты считают его факультативным. С нашей точки зрения, эта позиция не совсем верна. Коннотативный компонент значения детерминирует экспрессивно-оценочные оттенки пословицы. Не случайно В.И. Даль считал, что «пословица – это ... стоны и вздохи, плач и рыдание, радость и веселье, горе и утешение». Не являются стилистически нейтральными даже необразные пословицы, так как они не ограничиваются только денотативным аспектом значения.

Факультативным считается *этнокультурный* компонент, поскольку он присутствует в семантике только тех пословичных паремий, в которых отражается специфическое национальное восприятие тем или иным народом каких-либо реалий.

Разноязычные паремии мы будем рассматривать в составе четырехкомпонентного сопоставительного ряда, включающего пословицы, принадлежащие языкам разных культурных ареалов: европейского (русский, английский, немецкий) и тюркского (азербайджанский). Можно говорить о различной степени эквивалентности синонимичных пословиц, которая проявляется в следующих типах смысловых отношений между сопоставляемыми паремиями: семантическом тождестве и семантическом сходстве. Семантическое тождество свидетельствует об абсолютной идентичности понятийного содержания пословиц, а также их денотативной отнесенности. Семантическим сходством характеризуются те паремии, у которых совпадает только понятийное содержание.

Специфика проявления значения конституирующих пословицу лексем позволяет разделить сопоставляемые эквивалентные паремии на две группы:

- I. Пословицы с обобщенно – прямым значением,
- II. Пословицы с обобщенно – переносным значением¹.

Особенностью паремий, входящих в первую группу, является их целостное обобщенно-прямое значение. Оно в той или иной степени выводится из суммы составляющих пословицу слов-компонентов и поэтому лишено идиоматичности. Подавляющее большинство синонимичных пословиц этой группы являются *семантически тождественными*, поскольку они характеризуются идентичным понятийным содержанием и идентичной денотативной отнесенностью:

1. рус. *беда не ходит одна* – англ. *misfortunes never come singly* (букв. «несчастья никогда не приходят поодиночке») – нем. *ein Unglück kommt selten allein* (букв. «беда редко приходит одна») – азерб. *dərd xalvarnan gəlir misqalnan çıxır* (букв. «беда не приходит одна»);

¹ Солодуб Ю.П., Альбрехт Ф.Б. Современный русский язык. Лексика и фразеология современного русского языка (сопоставительный аспект): Учебник для студентов филологических факультетов и факультетов иностранных языков. – М.: Флинта, Наука, 2003. – С.194

2. рус. *друзья познаются в беде* – англ. *a friend in need is a friend indeed* (букв. «друг в беде – настоящий друг») – нем. *Freunde erkennt man in der Not* (букв. «истинного друга можно узнать в беде») – азерб. *dost dar gündə tanınar* (букв. «друг познается в трудные дни»);

3. рус. *лучше поздно, чем никогда* – англ. *better late than never* (букв. «лучше поздно, чем никогда») – нем. *besser spät als nie* (букв. «лучше поздно, чем никогда») – азерб. *gəc olsun güc olsun* (букв. «пусть всё будет сделано, даже если поздно»);

4. рус. *на бога надейся – сам не плошай* – англ. *god helps those who helps themselves* (букв. «бог помогает тем, кто помогает себе сам») – нем. *hilf dir selbst, dann hilft dir Gott* (букв. «помоги себе сам, тогда и Бог тебе поможет») – азерб. *məndən bəməkət səndən hərəkət* (букв. «от меня баракат¹ - от тебя действия»).

Целостное обобщенно-переносное значение пословиц второй группы не выводится из суммы значений слов-компонентов, а подвергается образному переосмыслению. Такие пословицы, без сомнения, обладают идиоматичностью и, в отличие от пословиц первой группы, являются объектом фразеологии².

Часть паремий, входящих во вторую группу, обладает наибольшей степенью эквивалентности в силу их семантического *тождества*:

1. «к подаркам не следует относиться критически»: рус. *дареному коню в зубы не смотрят* – англ. *don't look a gift horse in the mouth* (букв. «не смотри в рот дареному коню») – нем. *einem geschenkten Gaul sieht man nicht ins Maul* (букв. «дареному коню не смотрят в рот») – азербайджанский эквивалент не найден;

2. «давнишняя привязанность не забывается»: рус. *старая любовь не ржавеет* – англ. *old love doesn't rust* (букв. «старая любовь не ржавеет») – нем. *alte Liebe rostet nicht* (букв. «старая любовь не ржавеет») – азербайджанский эквивалент не найден;

3. «не следует судить о вещах и людях по их внешнему виду»: рус. *не все золото, что блестит* – англ. *all is not gold that glitters*. (букв. «не все золото, что блестит») – нем. *es ist nicht alles Gold das glänzt*. (букв. «не все золото, что блестит») – азерб. *hər pərıldayan qızıl deyil* (букв. «не все золото, что блестит»);

4. «не нужно говорить слишком много»: рус. *слово - серебро, молчание – золото* – англ. *silence is golden* (букв. «молчание – золото») – нем. *Reden ist Silber, Schweigen ist Gold* (букв. «слово- серебро, молчание – золото») – азерб. *danişmaq gümüşdürç susmaq qızıl* (букв. «говорить – серебро, молчать - золото»);

5. «чем больше делаешь что-то, тем больше увлекаешься»: рус. *аппетит приходит во время еды* – англ. *the Appetite comes with eating* (букв. «аппетит приходит во время еды») – нем. *der Appetit kommt beim Essen* (букв. «аппетит приходит во время еды») – азерб. *iştah dil altındadır* (букв. «аппетит находится под языком»);

6. «не наносите удар человеку, и без того находящемуся в трудном положении»: рус. *лежащего не бьют* – англ. *don't strike the man when he is down* (букв. «не бей человека, когда он лежит») – нем. *auf dem, der unterliegt, soll man nicht sitzen* (букв. «нельзя бить того, кто лежит»). Азербайджанская пословица несет противоположный смысл и поэтому не может считаться эквивалентной: *uxılan ağaca balta vuran çox olarç* (букв. «поваленное дерево каждый норовит топором ударить»).

Часть синонимичных паремий, входящих во вторую группу, не являются семантически тождественными, скорее можно говорить об их *семантическом сходстве*, поскольку они обладают разной денотативной отнесенностью.

1. рус. *два медведя в одной берлоге не уживутся* – англ. *two dogs over one bone seldom agree* (букв. «две собаки над одной костью редко достигают согласия») – нем. *zwei Hähne taugen nicht auf einem Mist* (букв. «два петуха не будут возиться в одной навозной куче») –

¹ Баракат (азерб. bəməkət) – благодать, то, что может быть дано только Всевышним

² Солодуб Ю.П., Альбрехт Ф.Б. Современный русский язык. Лексика и фразеология современного русского языка (сопоставительный аспект): Учебник для студентов филологических факультетов и факультетов иностранных языков. – М.: Флинта, Наука, 2003. – С.194

азерб. *iki qoçun başı bir qazanda qaynamaz* (букв. «головы двух баранов в одной кастрюле не кипят»). Из приведенных пословиц видно, что мысль о том, что люди часто ведут себя враждебно по отношению друг к другу, эксплицируется у разных народов на основе различных наглядных представлений: у русских – два медведя в одной берлоге, у англичан – две собаки над одной костью, у немцев – два петуха в одной навозной куче; у азербайджанцев – две бараньи головы в одной кастрюле.

2. рус. *черного кобеля не отмоешь добела* (син. *горбатого могила исправит*) – англ. *the leopard cannot change his spots* (букв. «леопард не может изменить своих пятен») – нем. *Bär bleibt Bär, fährt man ihn auch über's Meer* (букв. «медведь останется медведем, даже если отвести его на море») – азерб. *qozbeli qəbir düzəldər* (букв. «горбатого могила исправит»). Значение «человек не может изменить свою природу» также имеет различное образно-метафорическое выражение в приведенных пословицах разных народов: в русской поговорке возникает образ горбатого человека (полностью совпадает с азербайджанской пословицей), а также черного кобеля, в английской – леопарда, в немецкой – медведя.

3. рус. *из спасибо шубы не сошьешь* – англ. *praise is not pudding* (букв. «похвала – это не пудинг») – нем. *mit Dank schmelzt man keine Suppe* (букв. «похвалой супа не посолишь») – азерб. *halva deməknən ağız şirin olmaz* (букв. «сколько ни говори *халва* – во рту сладко не станет»). Интересной является образная мотивировка приведенных пословиц, объединенных понятийным содержанием «лесть и приятные речи не имеют смысла без поддерживающих их действий». В пословицах возникает указание на важные для данного народа реалии, образы которые посредством похвалы нельзя: шуба (рус.), пудинг (англ.), суп (нем.), ощущение сладости во рту (азерб.).

4. рус. *не сули журавля в небе, а дай синицу в руки* – англ. *a bird in the hand is worth two in the bush* (букв. «одна птица в руке лучше, чем две в кустах») – нем. *besser ein Spatz in der Hand als eine Taube auf dem Dach* (букв. «лучше воробей в руке, чем голубь на крыше») – азерб. *soğan olsun nəğd olsun* (букв. «лук на обед лучше, чем ничего»). В приведенных примерах семантику пословиц европейского культурного ареала с общим значением «что-то малое, но реальное, лучше большого, но малодоступного» мотивируют близкие образы: синица в руке – журавль в небе (рус.), одна птица в руке – две в кустах (англ.), воробей в руке – голубь на крыше (нем.). У азербайджанцев же понятие, «малое, но реальное» связано со словом *лук* (еда бедных).

Все приведенные пословицы характеризуются отсутствием этнокультурной маркированности.

Этнокультурный компонент присутствует в семантике пословиц, относящихся к языкам европейского культурного ареала. Данные поговорки объединяются общим понятийным содержанием «бережливость в малом приводит к накоплению больших материальных благ»: рус. *копейка рубль бережет* – англ. *take care of the pence and the pounds will take care of themselves* (букв. «позаботься о пенсах, а фунты сами о себе позаботятся») – нем. *wer den Pfennig nicht ehrt, ist des Talers nicht wert* (букв. «кто не ценит пфенниг, того не уважает талер»). Общее значение приведенных поговорок эксплицируется посредством лексем, указывающих на денежные единицы, используемые в конкретных странах: копейка, рубль (рус.), пенс, фунт (англ.), пфенниг, талер (нем.). Образная основа синонимичной азербайджанской поговорки сформировалась на основе другой реалии, характеризующейся отсутствием этнокультурной маркированности: *dama-dama göl olar* (букв. «по капельке озеро собирается»).

Характерная особенность некоторых сопоставительных паремических рядов заключается в том, что из четырех синонимичных пословиц только две являются семантически тождественными, а третья и четвертая обладают лишь семантическим сходством с ними, поскольку отличаются от них денотативной отнесенностью.

Семантическое тождество в большинстве случаев свойственно английским и немецким пословицам.

1. «когда нет выбора, надо мириться с тем, что в других условиях было бы неприемлемым»: англ. *among the blind is one-eyed man is King*. (букв. «среди слепых и одноглазый

царь») – нем. *unter den Blinden ist ein Einäugiger König*. (букв. «среди слепых и одноглазый царь»). Русские и азербайджанские синонимы этих пословиц включают в себя другие дено- таты: *на безрыбье и рак рыба; на безлюдье и Фома дворянин; в поле и жук мясо*(рус.) – азерб. *aclıqda darı çörəyi halvadan şirin olar* (букв. «в голодный год просяной хлеб слаще халвы»);

2.«молчаливые и сдержанные люди способны на самые неожиданные поступки»: англ. *still waters run deep* (букв. «тихие воды глубоко текут») – нем. *stille Wasser sind tief* (букв. «тихие воды глубоко текут»). Ср. рус. *в тихом омуте черти водятся*. Азербайджан- ский эквивалент не найден.

3. «большие дела не сразу делаются»: англ. *Rome wasn't built in a day* (букв. «Рим не был построен в один день») – нем. *Rom ist nicht in einem Tage erbaut worden* (букв. «Рим не был построен в один день»). Ср. рус. *Москва не сразу строилась* и азерб. *səbr elə halva bişər ey qora səndən* (букв. «приготовление халвы требует терпения, для нее нужен дошаб¹»).

Пословичные паремии, созданные тем или иным народом, – мастерство и искусство этого народа представлять сложные концепты в виде образов. Наличие большого количества синонимов среди пословиц свидетельствует об определенной степени образной близости языков европейского и тюркского культурного ареалов, об универсальности законов мышле- ния, проявляющихся в способности разных народов к идентичному образному видению ми- ра. «Это объясняется историко-генетической связанностью народов, культурно- историческими связями², а также сходством образа жизни в пределах одного культурного ареала.

С другой стороны, несмотря на некоторый общий фон, русские, английские, немецкие и азербайджанские пословицы складывались в разных исторических условиях, отражали об- щественно-экономический уклад, не совпадающий у разных народов. Поэтому образный смысл значительного числа эквивалентных разноязычных пословиц эксплицируется на осно- ве разных наглядных представлений. В контексте пословиц базовые человеческие ценности переосмысливаются в соответствии с национально-культурным опытом, демонстрируя пора- зительную ментальную гибкость и многозначность в оценке наиболее важных для человека жизненных реалий.

ПЕРЕВОД И КОНТЕКСТ

Павленко Н.Б.,

заведующий кафедрой иностранных языков
Орловского филиала РАНХ и ГС при Президенте РФ,
к.филол.н., профессор

Наиболее наглядно и предельно убедительно роль контекста выступает при переводе с одного языка на другой. Полное смысловое соответствие перевода и оригинала достигается лишь при выполнении условия передачи тождества смысла (в идеальном случае) языковых единиц, достигаемой благодаря сохранению контекстуальных значений всей совокупности фраз текста. Любая многозначность языковых единиц, фразеология, реалии поддаются пере- воду не в силу некоторого абстрактного соответствия отдельных словарных единиц, а благо- даря раскрытию всех смысловых связей всех элементарных единиц, образующих целый коммуникативный отрезок. Можно сказать, что при переводе учет контекста есть не только обязательный элемент переводческой деятельности, но и предварительное условие творче- ства переводчика, выступающего в роли настоящего интерпретатора текста в его лингвисти- ческом, культурном, художественном, научном и т.д. аспектах. Эти аспекты практически

¹ Дошаб (азерб.) – густо сваренный сок из незрелого винограда

² Эфендиев П. Азербайджанская устная народная литература.- Баку:«Маариф», 1981.- С.56

есть те невидимые контекстуальные условия, которые сопровождали создание текста и которые должны вновь проявить свою силу при воспроизведении текста на языке перевода.

Перевод как один из важнейших видов коммуникативной деятельности ориентируется, прежде всего, на полную адекватную передачу языка – оригинала, содержащего всю совокупность импликаций языкового, социального и культурного плана. Естественно, что при такой целевой установке адекватность может быть достигнута только при переводе не изолированных единиц, а достаточно полных частей текста, или всего текста, способных обнаружить все пресуппозиции автора.

Современная литература по переводу рассматривает его поэтому не как процедуру, ориентированную на передачу голой информации, а как процедуру, осуществляющую языковую коммуникацию между языком оригинала и языком перевода в полной степени вплоть до абсолютной адекватности, хотя практически и редко достигаемой (особенно в художественной литературе). Как отмечает В.Виллис: «Изменение взглядов в современной теории перевода позволяет сейчас сделать заключение о том, что в ней становится преобладающей концепция, постулирующая положение о теснейшем взаимодействии между текстом, переводчиком и адресатом и имеющая своей целью достижение такого перевода, который лишен всяческих субъективных моментов»¹. Совершенно очевидно, что понятие текста в теории перевода, как и в современной лингвистике, полностью совпадает с понятием контекстуальности – ситуативной интерпретации языковых фрагментов.

Контекст является фундаментальной опорой в переводческой деятельности именно потому, что он выступает в качестве лакмусовой бумажки адекватного восприятия, а, следовательно, и воспроизведения текста, в котором сама адекватность порождается только учетом всего контекстного окружения. Более того, в современной теории перевода совершенно ясно определено положение, согласно которому перевод возможен не в силу каких-либо регулируемых или системных отношений между единицами соответствующих языков, а только потому, что перевод имеет дело с текстом, вмещающим в себя все контекстные факторы (интра – и экстралингвистические), на основе которых перевод может быть в идеале вторым существованием оригинала¹.

Интерпретация изолированных фраз и слов в принципе невозможна, а потому и невозможен сам перевод, как бы ни были полны пословные и фразовые соответствия в языке оригинала и перевода. Только контекст может раскрывать значение языковых единиц, причем контекст, распространяющийся на все произведение, на весь текст, именно такой контекст и оправдывает отказ от буквализма при переводе и разрешает самые разнообразные способы восполнения значения единиц (от простых слов до слов, обозначающих реалии)². Более того, контекст, включающий в себя не только текстовые факторы, но и все моменты, обуславливающие само художественно творчество того или иного автора, создает предпосылки для перевода, приближающегося в идеале к «звучанию подлинника».

Перевод есть процедура, которая может снять неопределенность, свойственную языку, как совокупность вариантов, соотношений значений языковых единиц, в рамках полного соответствия языка оригинала и языка перевода³.

Трудности перевода связаны по существу не со знанием языка, а со способностью переводчика находить в языковых системах те лингвогносеологические закономерности, которые определяют место каждой языковой единицы в соответствующем семантическом окружении, смысловой ситуации языков переводимых оригиналов. Перевод поэтому может быть определен в плане интерпретации контекста как способ сопоставления семантических систем языков или как способ построения контекстов системы координат адекватных смысловых соответствий разных языков. Практически перевод осуществляет тот всеобщий принцип

¹ Willis W. *Übersetzungswissenschaft. Probleme und Methoden*. Stuttgart, 1994, s.135

¹ Бархударов Л.С. *Язык и перевод*. М. 1995б с.14-15

² Бархударов Л.С. *Указ*. Соч. с.15

³ Колшанский Г.В. *Контекстная семантика*. М. 1990 с.111

единой организации всех конкретных языков, в основе которого лежит сущность языка как формы отображения реальной действительности.

В связи с тем, что семантическая система любого языка универсальна, перевод не может быть коррективом к своеобразие и самостоятельности каждой языковой системы. Он может быть только практическим осуществлением закона комплементарности семантической системы языков.

При наложении семантических систем языков ячейки каждой конкретной сетки не могут совпадать друг с другом. Но комбинации этих ячеек различных размеров и форм (лексического, грамматического и семантического уровней) в итоге совпадают и тем самым способствуют установлению однозначных соответствий смыслов текстов различных языков. Законы организации ячеек семантической сетки языков есть построение определенной совокупности контекстных условий, в рамках которых каждая единица занимает свое действительное место. При переводе эта заданная контекстная сетка реализуется как совпадение ячеек двух систем, а сам перевод в идеале демонстрирует это гносеологическое единство языков.

СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ПРИЕМЫ ПЕРЕВОДА В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ. ПРИЕМЫ ПЕРЕВОДА МЕТАФОРИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ

Панюшкин И.А.,

преподаватель высшей квалификационной категории
ГОУ СПО «Технологический колледж №14»
(г. Москва)

Переводчик встречается с необходимостью передать различные выразительные средства, употребленные в исходном тексте, чаще, чем может показаться на первый взгляд. Практически любой текст включает те или иные тропы, фигуры речи или другие средства придания выразительности высказыванию, составляющие особую функцию языковых единиц — стилистическую. Перевод различного рода стилистических функций с языка на язык требует преобразований особого рода, помогающих сохранить или модифицировать исходную эмоционально-эстетическую информацию.

Наиболее характерной стилистической единицей является метафора. С древнейших времен человек воссоздавал в словах картину мира в ее образном представлении, используя различные средства. Во многих языках сохраняются древние антропоморфные формы представлений об окружающей среде, например деление всех предметов по признаку мужского или женского пола. Это пра-олицетворение, имея различную культурную природу, по-разному проявляется в разных языках и в наше время рассматривается как безусловное отклонение от стандартной сочетаемости языковых единиц, то есть как метафорическая единица.

Так, в унаследованной от более древних состояний английского языка «животной» метафоре закрепились типологически иные признаки, нежели те, что закрепились в русской культуре. Значительная часть названий животных и птиц в английском культурно-речевом сознании связаны с понятием-образом «*he*», хотя в современной грамматической системе относятся к среднему роду «*It*», в частности, довольно часто употребляется метафорическая основа *he* в связи с образами *Frog, Fish, Caterpillar, Tortoise*, тогда как в русском языке все эти имена являются грамматическими единицами женского рода и соответственно ассоциируются с женским полом. В текстах, не отмеченных стилистическими приемами, смена морфологических признаков слова является приемлемой функциональной заменой и не влияет на содержание. Иное дело — метафорическое употребление ассоциации по роду:

‘When we were little,’ the Mock Turtle went on at last, more calmly, ‘we went to school in the sea. The master was *an old Turtle* — we used to call *him* Tortoise.’

В этом примере из «Алисы в Стране Чудес» черепаха связана с мужским образом: это

«сэр», «он», «учитель». В переводе переводчику приходится *добавлять* слово-носитель мужского рода («старик»), чтобы исходное олицетворение было более естественным в русском контексте, где слово «черепаха» женского рода и не ассоциируется непосредственно с мужским полом:

Наконец Черепаха Квази немного *успокоился* и, тяжело вздыхая, *заговорил*: «Когда мы были маленькие, мы ходили в школу на дне моря. Учителем у нас *был старик-Черепаха*. Мы звали его *Спрутиком*».

Даже при добавленных маркерах мужского рода само слово «черепаха», как мы видим, оставляет некоторое ощущение противоречия в связи с олицетворением по мужскому признаку.

Другую сторону проблемы «животной» метафоры представляет собой различие эмоционально-оценочных ассоциаций, связанных с тем или иным образом животного, традиционно употребляемым как основа метафоры или метафорического сравнения. Ньюмарк отмечает, в частности, специфику метафорического употребления слова «horse» в английской традиции: этот образ, как правило, связан с положительными оценками типа «породистый», «здоровый», «грациозный» и т. П. В русской традиции «лошадиная» метафора преимущественно сопровождается иными, а то и прямо противоположными ассоциациями: «неуклюжий», «сильный», «некрасивый», «грубый», «здоровенный» и т. П. Эти ассоциации особенно отчетливо проявляются, если «лошадиная» метафора относится к женщине: «конь-баба» или «кобыла» — это большая, сильная, неуклюжая, некрасивая женщина. При таком различии следующий образ из английского текста может вызвать осложнения при переводе на русский язык:

He thought of her as of a horse from his stables.

Безусловной ошибкой является перевод «Она напоминала ему лошадь из его конюшен», поскольку в исходном тексте этот образ относится к молодой грациозной девушке. Следовательно, переводчику надо применить здесь либо *добавление* («напоминала *породистую, скаковую* лошадь»), либо морфологическую *замену* («напоминала *лошадку*»), либо *сочетание* обоих приемов («напоминала *породистую лошадку*»).

Еще одно различие, касающееся традиций «животной» метафоры, заключается в наличии или отсутствии синонимов, выражающих оттенки метафорического значения. Так, в русском языке метафорическое употребление слова «свинья» может выражать такую оценку, как «грязный, подлый», а с другой стороны, оно же употребляется в значении «толстый, жирный». Поскольку эти оценки могут не совпадать, то в русской речи они актуализируются контекстом, тогда как при переводе на английский язык требуют разных метафорических единиц. Выражение «Он настоящая свинья» может быть переведено (и по-разному понято) на английский язык двумя способами:

1) He is a *pig*

Он *толстый*, как *поросенок*

2) He is a *swine*

Он *подлый* / *грязный*, как *свинья*

При этом очевидно, что степень пейоративности (оскорбительности) английских выражений свиноподобия различна, тогда как в русском языке это различие не существенно. Прозвище толстого английского мальчика *Piggy* совершенно неправомерно переводить как *Свиненок* или *Свинтус*, поскольку в русской традиции эти прозвища ассоциируются с отрицательными оценками, в то время как в английской традиции это просто образно-метафорическое, насмешливое (но не оскорбительное!) прозвище. Таким образом, данный вид метафоры требует дополнительного субкатегориального преобразования при переводе: с английского на русский это может быть выражено, например, с помощью лексической замены или использования уменьшительно-ласкательных суффиксов — *Хрю-оу! Поросен-и-и* и т.п.

Во многих случаях развернутая метафора требует *структурного преобразования*, которое заключается как в словесном, так и в грамматическом изменении исходного текста,

если этого требуют различия в принципах комбинаторики между исходным и переводящим языками:

I woke early to see *the kiss of the sunrise summoning a rosy flush to the western cliffs, which sight never fails to raise my spirits.*

Я встала пораньше и видела, как от солнечного поцелуя на восходе вспыхнули румянцем западные скалы — зрелище, которое меня неизменно вдохновляет.

Структурное преобразование исходных стилистических единиц в данном примере вызвано различием в традициях грамматического олицетворения в английском и русском языках. Если воспроизвести дословно исходную структуру, то предложение получит искусственные для русского языка комбинаторные сочетания: «увидеть поцелуй восходящего солнца, вызывающий розовый румянец у западных скал, зрелище, которое никогда не перестает поднимать мне настроение».

Структурные осложнения возникают и в отношении такой распространенной образной формы английского языка, как метафорический эпитет, который может быть выражен как атрибутивным, так и субстантивным словосочетанием или даже их комбинацией, в целом не присущей русскому синтаксису. В таких случаях часто применяется либо *перестановка* элементов исходной метафоры, либо *добавление/опущение*. Например:

On the opposite bank *an emerald ribbon of fields and foliage* bordered the river; beyond lay the desert, *the Red Land of the ancient texts.*

Противоположный берег реки окаймляла изумрудная *çäëáí ü*толей и деревьев; за ними раскинулась пустыня, в древних свитках *èí áí óáí äý*Красной Землей.

В некоторых случаях при переводе метафоры следует иметь в виду расхождение в традиционных ассоциациях, связанных с тем или иным представлением. Например, в большинстве случаев английский эпитет «black», употребляемый в метафорическом смысле, может переводиться дословно, поскольку соответствует русской традиции:

black day — черный день

black deed — черное дело, и т. Д.

Однако в ряде ситуаций метафорические функции эпитета в русском и английском языках расходятся и тогда требуется *образная замена*:

black sheep — *í àðò è ááý*овца

black frost — *ò ðáí èó: èé*мороз, и т. П.

Еще одно условие при переводе метафорических единиц связано с метафорами фольклорного происхождения, в которых носителями эмоционально-оценочной информации могут служить термины цвета, размера, возраста и т. П. Так, русские метафорические выражения *красная девица*, *добрый молодец*, и подобные им, безусловно, не могут быть переданы прямым соответствием: *red maiden* — это всего лишь «рыжая девица», а *fine fellow* — «замечательный парень». Для того чтобы передать исходное метафорическое значение «красная» — «красивая», следует употребить либо *слово в прямом значении* (например, «beautiful»), либо *традиционный фольклорный эпитет* («a fair maiden», «a brave man»).

Традиционное соответствие употребляется также при переводе метафорических выражений, заимствованных исходным и переводящим языком из общего источника, но получивших разные способы выражения:

авилонское *ñò í èí ï ò áí ðáí è á*

the Confusion of Babylon (дословно: *авилонское смешение, недоразумение*),

дары *äáí àé óáá*

Greek gifts (дословно: *греческие дары*)

Необходимость различного рода преобразований исходной метафоры может диктоваться не только требованиями языковых различий, но и различиями в социально-культурных установках относительно той или иной сферы употребления метафорических оборотов речи. Наиболее характерный пример таких различий — **область рекламных текстов**, где метафора может быть как деталью, так и образной основой целого, и изменение метафорической единицы в переводе способно повлечь за собой реконструкцию остального

текста. В следующем примере общая метафора рекламного текста строится на созвучии названия места и признака: *Sparkler* — название гостиничного комплекса раскрывается в «сверкающей» метафоре на основе однокоренных слов *sparkle, sparkling* — «сверкать, блестеть, искриться». В оригинале название гостиницы происходит от разговорного значения *Sparkler* — «алмаз, бриллиант»:

SPARKLER. Honeymoons, family outings, golf and tennis holidays... sparklingly spectacular\ Discover the Sparkler, favourite of discerning vacationers of America and Europe. All's 5-star sparkling, from beach, accommodations, dining, sports to service, service, service. Sparkler! Light up your life!

Возможным выходом из этой ловушки для переводчика является *параллельное именование метафорической основы* (*Sparkler*), например, *Спарклер — Бриллиант чистойшей воды*. Тогда в русском варианте эта реклама получит следующий вид:

СПАРКЛЕР — БРИЛЛИАНТ ЧИСТЕЙШЕЙ ВОДЫ. Здесь *все сияет и все высшей пробы*: все условия для медового месяца, семейного отдыха, спорта... Откройте для себя *бриллиант СПАРКЛЕРА* — его уже открыли самые проникательные туристы Америки и Европы. *Пятизвездочный блеск* повсюду: от пляжей, апартаментов, ресторанов, спортивных площадок до сервиса, сервиса, сервиса... *СПАРКЛЕР — сверкающий бриллиант. Придайте блеск вашей жизни!*

Огромное количество фразеологических единиц является «продуктом метафорического смыслопроизводства». Восприятие фразеологической единицы детерминировано метафорой, лежащей в её основе. Мы понимаем значение ФЕ «let off steam» (выход своим чувствам (выпустить пары)), так как в её основе лежит концептуальная метафора, представляющая наш разум в форме контейнера (*container*), который структурирует наш физический опыт.

А.В. Кунин отмечал, что метафорические ФЕ основаны на различных видах сходства, реальных или воображаемых, и могут обозначать только лиц, только не лиц, или тех и других. Среди различных видов сходств учёный выделял сходство положения: *round peg in a square hole* (*square peg in a round hole*); сходство возраста (*babes and sucklings*); сходство цвета (*pea-soup fog*); сходство поведения (*dog in the manger*); сходство вкусовых ощущений (*bitter pill to swallow*); сходство действия (*break in the clouds*); сходство мощности (*tower of strength*); сходство по значимости (*big gun*) и т.д. А.В. Кунин понимает ФЕ как «устойчивое сочетание слов с осложнённой семантикой, не образующееся по порождающим структурно-семантическим моделям переменных словосочетаний» (А.В. Кунин, 1972: 8).

Особую проблему создают при переводе метафорические единицы, принцип построения которых отличается в исходном и переводящем языках. В таких случаях преобразования могут быть весьма значительными, в частности, могут сопровождаться заменой самого стилистического статуса единицы, например, вместо исходной метафоры в переводном тексте может появиться сравнение или метафорический эпитет или иной троп. Так, английские метафорические обороты типа *a dream of a dress, a beast of a car, a barrel of a man, an angel of a girl* в переводе на русский язык неизбежно меняют свою стилистическую принадлежность, преобразуясь либо в сравнение (*не платье, а мечта; не человек, а бочка какая-то; не машина, а зверь*; и т. П.), либо в эпитет (*бочкоподобный толстяк, ангелоподобная девушка*), либо в метафору, основанную на другом принципе уподобления (*девушка — настоящий ангел, платье моей мечты, зверь-машина*).

ПРИЕМЫ ПЕРЕВОДА МЕТОНИМИИ

Основной проблемой перевода метонимического словоупотребления является различие как в способах метонимизации, так и в степени ее распространенности в речи на исходном и переводящем языках. Это различие часто сопровождается и объясняется разными традициями метонимического выражения в исходной и переводящей культурах.

Вспомним, что в самом общем виде метонимией (от греческого *metonomadzo* — переименовывать) называется перенос названия с одного предмета на другой, или *иноименование*, на основе смежности сопоставленных таким образом объектов. В отличие от метафоры, направленной на сопоставление, уподобление объектов друг другу с целью выявления сущ-

ностного сходства, употребление метонимии в любом языке направлено на индивидуализацию объекта путем выделения какой-либо характерной черты и вынесения ее на первый план в способе именовании: знаменитые «пикейные жилеты» («the pique waistcoats») из «Золотого теленка» существуют как наивысшее выражение индивидуальности во всем остальном совершенно безликих персонажей. Характерно, что в условиях необходимых преобразований метонимия, в отличие от метафоры, никогда не преобразуется в сравнение, но зато сравнительно легко переходит в эпитет, в частности, в субстантивированный эпитет:

*Two men, one with thin black hair and the other with luxurious red mop, stood side by side, like day and night. **The red** was smiling ready to see the funny side of danger, **the black** with his wry face and triangle eyebrows, was the embodiment of despair.*

Два человека, один с жидкими черными волосенками, другой с пышной рыжей шевелюрой, стояли бок о бок, как день и ночь. **Джэ́д** мечтательно улыбался, как будто усматривал что-то забавное в опасности; **э́дд**, с кислой гримасой и страдальческими бровями, казался воплощением отчаяния.

В данном примере исходная метонимия практически не представляет трудности для перевода, поскольку в структурном и содержательном отношении способы ее выражения совпадают в английском и русском языках.

Наибольшую сложность для перевода представляют такие случаи метонимического переноса, которые основаны на ассоциации:

- а) между предметом и одним из его признаков — метонимический эпитет,
- б) между целым и частью предмета — синекдоха,
- в) между именем собственным и именем нарицательным, обладающими общей содержательно-признаковой основой, — антономасия.

Рассмотрим подробнее возможные приемы, употребимые при переводе этих разновидностей метонимии.

В отличие от метафоры, метонимия практически не переделывается в сравнение, зато способна создавать удивительные по меткости *метонимические эпитеты* на основе ассоциации между предметом и одним из его свойств или признаков, например: «В кабинет буквально ввалилась *джинсовая* девица». Здесь детали туалета переносятся на определение самой носительницы этого туалета. Такие эпитеты не всегда переводимы в силу двойной трудности, включающей возможные преобразования самой структуры атрибутивного словосочетания, а также необходимость преобразований метонимического словоупотребления. Например, при переводе нашего предложения с русского на английский язык теряется возможность сохранения метонимичности: «*A girl in her full **denim outfit** nearly fell into the office*». Выражение «а *denim* girl» не вполне приемлемо в английском языке, ибо *denim* не является собственным признаком объекта. Более того, такое словосочетание не отражает тех социально-культурных, оценочных коннотаций, которые сопровождают это словоупотребление в русском контексте. По существу, единственным средством перевода здесь является *преобразование признака в объект*, то есть *рекатегоризация* исходной единицы, однако при этом теряется часть эмоционально-оценочной информации, выраженной в исходном тексте посредством данной метонимии, теряется подчеркнутая индивидуальность признака *джинсовый (denim)*.

Синекдоха (греч. *synecdoche* — подразумевание, соотнесение) обычно проявляется в употреблении названия части вместо целого, частного вместо общего, и наоборот. Сложность ее для перевода состоит в том, что в разных языках способы и ограничения в выражении категории «часть — целое» могут довольно сильно отличаться друг от друга. В русском языке метонимический перенос такого рода сравнительно ограничен, поскольку имеется целый ряд других средств, прежде всего метонимический эпитет, возникающих на флективной основе. Напротив, в английском языке синекдоха столь же естественна, сколь естественна метафора, и, зачастую не неся каких-либо стилистических нагрузок, зависит главным образом от придания синтаксической функции тому или иному слову. Это несоответствие осложняет перевод и требует иногда *замены самого выразительного средства* каким-либо другим

стилистическим оборотом. Например, в предложении “*These wheels will drive you at your pleasure*” *these wheels* употреблены как синекдоха вместо *this car*. При переводе на русский язык, употребив аналогичную синекдоху «эти колеса гарантируют вам езду с удовольствием», мы тем самым несколько снижаем общий стилистический тон этого рекламного выражения, поскольку рекламируются не колеса, а сама *машина*, а в русском речевом обиходе употребление слова «колеса» вместо слова «машина» носит жаргонно-просторечный характер и употребляются либо в ироническом, либо в небрежном именовании (ср. «Бери какие-нибудь *колеса* и дуй за ним»), то есть, по существу, равны таким единицам, как «тачка», «мотор» и т.п. Этот оттенок словоупотребления совершенно не соответствует исходному английскому тексту и меняет сам стиль рекламного предложения. В данном случае уместным будет либо *парафраз-иносказание* (например, «ваш замечательный друг на колесах»), либо *дополнение* (например, «эти замечательные *колеса, современный дизайн корпуса и автоматическое управление* гарантируют...»), которое нейтрализует стилистическое несоответствие отдельной синекдохи в русском тексте.

Известные осложнения связаны и с различием проявлений *антономасии* в русском и английском языках, что сопровождается неизбежными преобразованиями при переводе. Применение того или иного переводческого приема для перевода антономасии зависит не только от языковых, но и, как во многих других случаях, от культурных различий. Чтобы передать метонимичность фразы «*The guards now change at Buckingham Palace to a Lennon and McCartney*», недостаточно перевести сами имена, необходимо *восстановить основу метонимического переноса* («*tune*» или «*music*»), поскольку в русской культурной традиции этот вид метонимии не имеет широкого распространения и воспринимается слегка чужеродно в отношении данных имен в данной ситуации:

Смена караула при Букингемском дворце происходит теперь под *i óxíéó* *Леннона и Маккартни*.

В иной ситуации та же метонимия может быть воспроизведена без преобразования — в случае сопоставимости культурной традиции: если вместо «смены караула» подставить «наши отцы, битники шестидесятых годов, балдеют *под Леннона и Маккартни*», то обратный перевод даст ту же самую форму метонимии в английском языке («*Our parents, beatniks of the 60-s, buzz out of Lennon and McCartney*»).

Широта применения метонимии этого вида наблюдается в области торговых наименований продукции по имени владельца фирмы, что практически пока отсутствует в русской речевой традиции. Выражение «*to buy some Kellogg's*» может быть передано только либо с восстановленной основой («купить *хлопья фирмы Kellogg's*»), либо даже без метонимического компонента («купить *кукурузные хлопья*»).

Сложнее обстоит дело с передачей именных метонимий, отражающих имена, широко известные в рамках исходной культуры, но практически не имеющие значения или вообще неизвестные в переводящей культуре. В русской публицистической традиции довольно часто употребляются имена литературно-исторических персонажей в качестве нарицательных именовании для какого-либо общественного типа. Например, для перевода фразы «Эти пустые статьи и статейки пишутся то *французскими Маниловыми*, то *американскими Чичиковыми*» необходимо хорошо представлять себе, говорит ли что-либо англоязычному читателю такое имя. Как правило, в таких случаях наиболее частый вариант перевода — это *расшифровка качества*, обозначенного метонимическим именем, сопровождаемая *разрушением метонимии*, например:

Some of these idle, shallow writings belong to *fuzzy French dreamers*, some to *pushing American wheeler-dealers*.

ЛИТЕРАТУРА

1. Клименко Е.И. Байрон: язык и стиль. Пособие по стилистике английского языка, М., Издание 2-ое, 1996.
2. А.В. Кунин, Фразеология современного английского языка, М., 1992
3. Гальперин А.И. «Очерки по стилистике английского языка», М., 2008

4. Bickerton Derek. Prolegomena to a Linguistic Theory of Metaphor. — Foundations of Language, V, 1969, № 1, p. 38.
5. The Advanced Learner's Dictionary of Current English, by A.S.Hornby, E.V. Gatenby, H. Wakefield, 1978, Oxford
6. A Concise Dictionary of English Slang, by W. Freeman, 1973, London
7. Newmark Peter. The Translation of Metaphor. *Universidad de Antioquia traducteoria@huitoto.udea.edu.co* 1999-2006

РЕКЛАМНЫЕ БАННЕРЫ В ИНТЕРНЕТЕ

Рыбочкина Ю.Л.,

старший преподаватель кафедры
«Интенсивное изучение иностранных языков»
Государственного университета – УНПК (г. Орёл)

С приходом в нашу жизнь информационных технологий появляется новый вид рекламы – реклама в Интернете. Интернет постепенно становится мощным средством влияния на общественное мнение, инструментом, позволяющим осуществлять продажу товаров и услуг. Благодаря тому, что в Интернете аккумулируется огромное количество информации, в том числе торговых предложений, он становится эффективным практически во всех областях предпринимательской деятельности. Интернет существенно расширяет возможности ведения бизнеса, давая возможность быстро найти необходимый товар, производителя, наиболее выгодные предложения и цены, за несколько секунд заказать, купить любой товар или услугу. Для получения информации о товарах и услугах в Сети, конечно же, используется реклама, позволяющая сделать этот поиск удобным.

Исследователи склонны считать, что интерес рекламодателей к Интернету вызван, прежде всего, тем, что всемирная Сеть представляет собой относительно дешёвый и в то же время эффективный рекламный инструмент [1]. Интернет-реклама – это один из самых молодых и перспективных типов рекламы, которая является разновидностью обычной рекламы, т.е. это любое неличностное информирование потребителей о товаре средствами сети Интернет, оплаченное конкретным спонсором [2].

История рекламы в Сети восходит ко второй половине 50-ых г. прошлого века, когда президент США Дуайт Эйзенхауэр подписал документ о создании Advanced Research Project Agency (ARPA). В 1960г. ARPA начала работу по созданию компьютерных сетей, а в 1973г. к сети ARPANET подключились университеты Англии и Норвегии, и Сеть стала международной. С появлением электронной коммерции в 1994г., начинает зарождаться Интернет-реклама. В этом же году компания Nando.net создала Web- узел с целью выделения площади для рекламы в Сети. Пионерами размещения рекламы в Сети выступили известные фирмы, как Levi Strauss, Saturn и Colgate – Palmolive.

Реклама в Интернете имеет двухуровневый характер. Первый уровень – рекламодатель размещает рекламу на популярных и тематических сайтах. Второй – веб-сайт или веб-страница рекламодателя, куда по ссылке попадает пользователь. Этот сайт может исполнять роль рекламной брошюры, быть инструментом обратной связи с существующими и потенциальными клиентами и даже может быть торговой площадкой данной фирмы.

В отличие от обычной рекламы, Интернет-реклама обладает рядом характеристик, детерминированных в первую очередь её спецификой, в её арсенале есть средства и возможности, которыми обычная реклама не располагает. Во-первых, Интернет является средой, где объект рекламы представлен максимально эффективно и полно, что связано как с возможностью предоставления максимума необходимой информации об объекте рекламы, так и с мультимедийной природой среды Интернета. Во-вторых, Интернет – это интерактивная среда, в которой воздействия на пользователя носит не только пассивный характер, но во многих случаях активный. Это проявляется в возможности обратной связи, например, если

пользователь заинтересовался рекламой и у него появились вопросы или он хочет получить дополнительную интересующую его информацию, он может это сделать. В-третьих, базируясь на современных компьютерных технологиях, Интернет предоставляет широкие возможности оперативного, чёткого и глубокого анализа рекламных мероприятий. В-чёрвёртых, Интернет предоставляет рекламодателю самый эффективный по возможностям и стоимости способ фокусированного воздействия на целевую аудиторию и конкретных пользователей. Всё это делает Интернет-рекламу привлекательной как с точки зрения рекламодателя, так и пользователя.

Основными носителя Интернет-рекламы являются: баннеры, rich – media баннеры, текстовые блоки, рекламные вставки, байрики, мини-сайты и коллажи – носители первого рекламного уровня [3], веб-сайты, веб-страницы – второй уровень. Рекламный баннер – это любая графическая или мультимедийная информация в формате GIF или JPG, иногда созданная с помощью JAVA, FLASH и других технологий, находящаяся на веб-странице в предназначенном для неё месте, несущая в себе определённое рекламное послание, и, как правило, одновременно представляющая собой гиперссылку на веб-страницу с расширенным описанием рекламируемых продуктов. (Гиперссылка – слово или изображение в электронном документе, содержащее ссылку на другие файлы или части документа, на которые можно перейти щелчком «мыши»). Баннеры служат двум основным целям: увеличению посещаемости сайта, созданию положительного имиджа фирмы.

Баннер представляет собой прямоугольное графическое изображение, которое привлекает внимание читателя своей яркостью и броскостью. Как правило, баннеры имеют небольшие размеры, наиболее распространёнными являются следующие размеры (в пикселях): 468x60, 100x100 и 88x31 («кнопка»). Одной из самых важных характеристик привлечения посетителей к баннеру является CTR (click through ratio), т.е. отношение количество пользователей, которые кликнули на рекламу, к общему количеству, которым она была продемонстрирована. Следует, однако, заметить, что могут встречаться погрешности, например, если на баннере есть URL, пользователь может набрать адрес сайта в браузере, а не кликать по ссылке мышкой. Создатели баннеров для привлечения пользователей используют различные методы, призванные вызвать интерес у посетителей к баннеру – завлекающие картинки, просьбы – «жми сюда», «enter», анимация, размер баннера (чем больше, тем выше на него откликов). Используется музыка и звуковые эффекты, динамически менять содержание баннера, их элементы могут реагировать на движение мышки и т.д. Например, баннер фирмы «Quelle» завлекает пользователей своим месторасположением, точно в центре монитора, яркостью и краткостью: *Женственные, стильные, роскошные*. Многие фирмы, занимающиеся продажей компьютерных игр, часто прибегают к использованию звуковых эффектов, имитирующие, например, сражение или автомобильные гонки.

Баннеры бывают двух видов: статические и анимированные. Первые представляет собой статическое изображение, в то время как во втором случае происходит изменение изображения во времени – анимация. Как правило, статические баннеры применяются в рекламе различных Интернет-магазинов. Например, реклама магазина «bonprix»: *Хотите увидеть больше модной одежды? Делайте заказы и выигрывайте!* Анимированные баннеры более сложны в создании и достаточно дорогостоящи, они довольно часто встречаются в рекламе игр, автомобилей на музыкальных сайтах.

Согласно исследованиям, проведённым Internet Advertising Bureau (IAB) наиболее часто встречаются следующие размеры баннеров: 468x60 – полноразмерные баннеры, 392x72 – полноразмерный баннер с вертикальной панелью навигации, 234x60 – половинный баннер, 125x125 – квадратный баннер, 88x31 – микрокнопка, 120x240 – вертикальный баннер.

Самая распространённая технология создания баннеров является технология Flash Shock-wave, разработанная компанией Macromedia, которая в корне изменила представление пользователей и рекламодателей в отношении интерактивного баннера. Возможности новой технологии были широкими и позволяли потребителю взаимодействовать с Flash – баннером, так, как нужно потребителю. Управление звуком, возможность использования не только

растровой, но и векторной графики, вставка форм ввода и обработки информации и последующего её отправления рекламодателю, высокая чувствительность к манипуляциям мышью и клавишам клавиатуры, возможность динамического изменения графического и текстового содержания баннера, организация полностью настраиваемой самим пользователем навигации по различным ссылкам – это далеко не весь перечень функциональных возможностей Macromedia Flash.

Вне зависимости от того, как был изготовлен баннер, существуют три основных метода баннерной рекламы: 1) обмен баннерами по договору с владельцем другого веб-сервера или веб-страницы. Обычно обмен происходит с владельцем веб-страницы, имеющим сходную тематику; 2) использование баннерных систем, поисковых серверов, каталогов или популярных серверов для показа баннеров на их Web-страницах за определённую плату;

3) использование специальных служб обмена баннерами, которые обеспечивают показ на страницах большого числа сайтов, входящих в число подписчиков данной службы. Некоторые системы обладают высокой гибкостью и позволяют показывать баннеры только на определённой группе серверов, с заданной интенсивностью или только в определённые промежутки времени, а также не показывать один и тот же баннер пользователям, которые его уже видели.

Отличительной особенностью Интернет-рекламы является возможность выбора рекламных объявлений для просмотра, вот почему она не столь навязчива и выступает важным звеном при проведении рекламной кампании в сети Интернет. Она строится таким образом, чтобы помочь потребителю осознать свои потребности при просмотре рекламы. Для повышения воздействия на пользователя при создании рекламы и проведение рекламной кампании следует учитывать как положительные, так и отрицательные стороны баннерной рекламы. Среди преимуществ хотелось бы выделить следующие моменты: 1) баннеры визуально привлекательны, т.к. любая графическая информация воспринимается лучше, чем просто текст; 2) баннеры выступают хорошим инструментом для имиджевой рекламы, связано это в первую очередь с тем, что графическое исполнение формирует визуальное запоминание элементов корпоративной идентичности продвигаемого объекта; 3) при создании баннеров не существует чётких единых стандартов исполнения, что даёт возможность экспериментировать с исполнением баннеров; 4) возможность мультимедийного исполнения и применения расширенных приёмов взаимодействия с посетителем; 5) интерактивность – пользователь может взаимодействовать с баннером, прежде чем перейти на целевую страницу. К недостаткам можно отнести: 1) большой размер в байтах по сравнению с текстом. Пользователю это не выгодно, т.к. он получает «довесок» к своему трафику и поэтому часто просто отключает баннеры; 2) для Rich-media баннеров необходимо скачивать и устанавливать дополнительное программное оборудование; 3) относительно высокая стоимость изготовления.

Однако практически все крупные фирмы занимаются Интернет-рекламой и вкладывают в это большие средства. Размещённая в Интернете баннерная реклама доступна многим, она приглашает пользователя в интригующий и завораживающий мир потребления, создавая ощущения его присутствия совсем рядом, на расстоянии «клика» мышкой, чему существенно способствует использование анимации. Главное преимущество Интернет-рекламы заключается в том, что она позволяет поддерживать постоянный персональный контакт с теми, на кого направлена – пользователями.

ЛИТЕРАТУРА

1. IAB UK: Интернет-реклама фиксирует рост доходов несмотря на последствия кризиса. – Режим доступа: <http://www.rambler.ru/news/it/0/2514055.html>
2. Бове, К. Современная реклама // К. Бове, У. Аренс. – Тольятти: Издательский Дом Довгань, 1995. – 704 с.
3. Бокарев, Т. Энциклопедия Интернет-рекламы // Т. Бокарев. – М.: ПРОМО-РУ, 2000. – 456 с.

ФОРМИРОВАНИЕ ЯЗЫКОВОЙ СПОСОБНОСТИ В ПРОЦЕССЕ ПЕРЕВОДЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Христова Н.А.,

преподаватель кафедры иностранных языков
Барнаульского юридического института МВД России,
к.филол.н.

Обращение к исследованию переводческой деятельности формирующихся билингвов обусловлено рядом причин. Во-первых, перевод служит способом и средством межъязыковой коммуникации, выявляя специфику речемышления не только индивидов, но и разных этносов. Переводческая деятельность позволяет осуществлять сопоставительный когнитивный анализ языков в естественных условиях. Во-вторых, анализ процесса перевода позволяет выявить некоторые существенные стороны речемыслительной деятельности вообще. Естественный процесс рождения собственной мысли человеком не анализируется, не осознается или осознается не полностью (исключением являются случаи целенаправленной саморефлексии), а процесс понимания текста оригинала и вербализация его в переводе в этом смысле уникальны: формирование мысли, построение адекватного оригиналу смысла представлены более наглядно уже потому, что в переводе выбор языковых средств целенаправленно ограничен исходным текстом. Кроме того, всё сказанное выше позволяет сделать процесс обучения иностранному языку более эффективным.

При понимании иноязычного текста в процессе переводческой деятельности формирующихся билингвов происходит формирование новых для носителя данного языка (лингвокультурной общности) познавательных структур в результате интеграции когнитивных структур родного и иностранного языков. Важнейшими составляющими этой гипотезы являются следующие положения. Перевод как речевая деятельность – это особый когнитивный процесс создания интегративных когнитивных структур. Интегративные когнитивные структуры формируются постепенно, но не проявляют односторонней зависимости от речевой компетенции формирующегося билингва. Выбор переводческой стратегии – следствие разной когнитивной языковой способности и в меньшей степени – речевой компетенции формирующегося билингва. В условиях учебного процесса овладения вторым языком неосознаваемые в большинстве случаев носителями языка механизмы функционирования языковой способности попадают в фокус сознания, становятся элементом метакогнитивного анализа. При понимании иноязычного текста значение как когнитивная структура в полной мере реализует свой эволюционный потенциал.

Языковая способность – универсальный механизм вербализации ментального содержания, представляющий собой совокупность оптимизирующих когнитивных стратегий, способный к развитию по законам функциональных систем.

В большинстве случаев фаза понимания иноязычной речи предшествует фазе вербализации своих мыслей средствами иной языковой системы. Известно, что «состояние ... необученности второму языку может быть сравнимо с фазой готовности замысла при невозможности его реализации в акте речевой деятельности»; «причина невозможности речи у лица, приступающего к овладению вторым языком, в том, что нет соответствующей модификации второй сигнальной системы»¹, то есть понимание речи не абсолютно зависит от умения воспроизводить чужую или производить собственную речь.

Понимание осуществляется, однако выражение содержания на другом языке во многих случаях затруднено, несмотря на то, что в большинстве своем формирующиеся билингвы владеют необходимыми метаязыковыми знаниями, а также знаниями декларативного типа (например, знаниями о значениях вербальных единиц). Отсюда возникает вопрос о содержании понятия *языковая способность*. Неспособность выразить мысль средствами другого

¹ Горелов И.Н. Проблема функционального базиса речи в онтогенезе. – Челябинск: ГПИ, 1974. – С. 74.

языка – это результат недостаточного развития языковой *компетенции* или собственно языковой *способности*?

Проблема заключается, видимо, в том, что на этапе так называемого «промежуточного языка» у обучаемых недостаточно сформирован механизм создания функциональных опор, при котором, по А.А. Залевской, вербальные единицы соотносятся с определенными процедурами оперирования единицами субъективного кода. Таким образом, владение значением языковой единицы не обязательно влечет за собой умение ее применять в речевой деятельности, поскольку не развито процедурное знание.

Следовательно, неспособность выразить мысль средствами другого языка, с одной стороны, есть результат недостаточного развития языковой *компетенции*, а не собственно языковой способности как способности репрезентировать ментальное содержание в любом знаковом коде вообще и в универсальном языковом в частности. Формирование и развитие *языковой компетенции* как знания определенного языка взаимосвязано с формированием *коммуникативной компетенции*; последняя есть следствие развития знаний *процедурного* характера – умения оперировать полученными функциональными ориентирами согласно целям коммуникации. С другой стороны, неразвитость языковой способности также является препятствием к речесмыслопорождению

И.Н. Горелов, вслед за Л.С. Выготским, отмечает: явление обучаемости языку свидетельствует о том, что «язык не является базой интеллектуальных действий, существует некоторый базис интеллектуальных действий, обеспечивающих переход от авербальной знаковой деятельности к вербальной»¹. Гипотеза И.Н. Горелова о функциональном базисе речи коррелирует с гипотезой о существовании механизма когнитивной компетенции как набора оптимизирующих стратегий по обработке информации, служащего основой развития языковой и коммуникативной компетенций индивида. Таким образом, весь речевой механизм человека можно представить как триединство языковой способности (собственно в акцентируемом смысле – когнитивной компетенции), языковой компетенции и коммуникативной компетенции. При этом как языковая, так и коммуникативная компетенции могут быть обнаружены только в условиях функционирования «промежуточного» слоя речевого механизма – языковой способности, обеспечивающей вербализацию некоего ментального содержания адекватными вербальными средствами в соответствии с целями коммуникации. В целом такая трактовка речевого механизма соотносится с моделью структуры языковой личности, предложенной Ю.Н. Карауловым, который выделяет вербально-семантический, тезаурусный (когнитивный), мотивационный (прагматический) уровни.² Однако в модели Ю.Н. Караулова когнитивный уровень состоит из *понятий/концептов* (статичный аспект), структурирующих «картину мира» индивида, тогда как для нас когнитивная компетенция, помимо этого, подразумевает и *способ построения, индивидуальные стратегии* построения образа мира (концептуальной картины мира) (динамичный аспект).

Каковы механизмы развития языковой *способности*, что является пусковым импульсом к развитию ее? Принцип опоры на родной язык при овладении иностранным имеет под собой психолингвистическое обоснование. Успешность овладения новым языком действительно зависит, с одной стороны, от уровня владения родным языком, что свидетельствует, по всей видимости, о *наличии/сформированности* определенной совокупности *универсальных когнитивных стратегий* как результате овладения *процедурным* типом знания. Однако спецификой процесса обучения второму языку является *формирование иных когнитивных структур*, не присущих родному языку индивида – формирующегося билингва, то есть национально специфичных. Поэтому, с другой стороны, на определенном этапе обучения познавательные модели (схемы и пр.), репрезентированные средствами родного языка, могут оказывать негативное влияние на восприятие и овладение иными структурами, в связи с чем

¹ Горелов И.Н. Проблема функционального базиса речи в онтогенезе. – Челябинск: ГПИ, 1974. – С. 56.

² Караулов Ю.Н. Основные характеристики языковой способности // Лексика, грамматика, текст в свете антропологической лингвистики: Тезисы докладов Международной научной конференции. – Екатеринбург, 1995. – С. 12-16.

метод «прямого обучения» выглядит более предпочтительным по сравнению с методом сопоставительного обучения, так как позволяет избежать интерферирующего влияния родного языка.

Одним из условий успешного развития языковой компетенции является обучение и овладение вторым языком, при которых не осознаваемые в большинстве случаев носителями языка механизмы функционирования языковой способности попадают в фокус сознания, становятся элементом метакогнитивного анализа. «Языковая компетенция одновременно и обуславливает пользование языком, и формируется через последнее».¹

Заметим, что формирующиеся билингвы не только адекватно понимают, но и передают адекватную когнитивную структуру авторского текста. В основе адекватного восприятия/порождения иноязычной речи/текста лежит наличие определенных стратегий по обработке информации – когнитивная компетенция индивидов. Языковая способность актуализирует комплекс вербально-авербальных ассоциативных значений, служащих «полюс» формирования опорных схем понимания текста. Если индивид обладает высоко развитой языковой способностью, способностью к интегрированию имеющихся когнитивных структур для создания вербализованных когниций разной степени сложности, он может понять содержание текста и адекватно перевести его, не зная традиционных способов трансформации единиц одного языка в единицы другого. Это во многом определяется тем, что значение слова как когнитивная структура постоянно развивается. Высказанное положение экспериментально доказано в ходе исследования когнитивной структуры концептов в обыденном сознании носителей языка.² Рассматриваемая концепция базируется на разграничении и соотнесении трех понятий: «концепт – смысл – значение» как разных аспектов представления одного объекта. Интегральное понятие *концепта* (соответственно и когнитивной структуры) как «динамической когнитивной модели, отображающей структуру смысла в сознании индивида», включает в себя как стабильные смысловые компоненты, так и нестабильные, «случайные». В результате одновременного воздействия разновекторных факторов происходит вероятностное развитие значения;³ при этом нестабильные компоненты значения играют решающую роль, поскольку стремятся быть стабилизированными / зафиксированными в языковом сознании этноса.

Итак, когнитивный подход к переводу устанавливает взаимодействие вербализованного / декларативного знания (знать «что») и перцептивного / процедурного (знать «как»). Теория перевода должна объяснять это взаимодействие. Отсюда задачей когнитивного подхода к переводу является установление того, как *переводчик формирует релевантное процедурное поле выбора переводного эквивалента*.

Когнитивный подход к переводу призван объяснить, почему нарушается стилистическая норма и почему языковые выражения в переводе зачастую не отражают того смысла, который был заложен автором в оригинале. Как отмечает Н.К. Рябцева, когнитивный подход к переводу включает следующие процедуры:

- соотнесение специфических переводческих ментальных процедур с общими речемыслительными и определение их сходств и различий;
- установление концептуальных причин «неконгруэнтности» оригинала и перевода;
- уяснение когнитивных оснований переводческих ошибок.⁴

Взгляд на переводческую деятельность как на основной вид речемыслительной деятельности предполагает решение проблемы эквивалентности только в отношении «функций элементов исходного текста и перевода, поскольку их смысловое содержание возникает как

¹ Залевская А.А. Текст и его понимание. – Тверь: Тверской государственный университет, 2001. – С. 21.

² Лукашевич Е.В. Когнитивная семантика: эволюционно-прогностический аспект. – Барнаул: Алтайский государственный университет, 2002. – 234 с.

³ Пищальникова В.А. Проблема смысла художественного текста. Психолингвистический аспект. – Новосибирск: НГУ, 1992. – 132с.

⁴ Рябцева Н.К. Теория и практика перевода: когнитивный аспект // Перевод и коммуникация. – М.: ИЯ РАН, 1997. – С. 42-63.

функциональное образование в рамках конкретного речемыслительного процесса».¹ Более того, точнее говорить об адекватности перевода, поскольку разные культуры высвечивают через перевод различные аспекты одного и того же объекта, т.е. эквивалентность рассматривается как «сходство, проявляющееся в фундаментальном различии».²

Взгледы на язык рассматривается нами в динамическом аспекте как функциональная динамическая система, способная к саморазвитию в процессе формирования языковой способности индивида. Для нас актуальны следующие *свойства языковой способности*: динамичность (принципиальная нестабильность и как следствие – постоянная эволюция механизма ЯС); взаимовлияние развивающейся ЯС и речевых навыков (языковой способности и коммуникативной компетенции); усложнение механизма ЯС у формирующейся языковой личности (появление качественно новых когнитивных структур); функциональность (способность проявлять новые свойства единиц и системы в целом в процессе функционирования, способность единиц к обнаружению компенсаторной зависимости и взаимозамещению); вариативность (существование различных типов когнитивных структур в структуре языковой личности, наличие определенных предпочитаемых когнитивных стратегий); основу ЯС составляют универсальные стратегии обработки информации. Способность индивида к изучению иностранного языка обусловлена сформированностью определенной совокупности универсальных когнитивных стратегий, т.е. наличием развитой когнитивной компетенции индивида. Следует подчеркнуть отсутствие прямой однозначной зависимости между развитием языковой способности и языковой (и коммуникативной) компетенции.

Поскольку сущность механизма ЯС заключается в вербализации ментального содержания – порождения смыслов, необходимо изучение ассоциативно-апперцепционного содержания концептуальной системы индивида. Именно ассоциативное значение является основой формирования смысловых опор понимания текста. Кроме того, существует определенная вероятность формирования тех или иных типов сложных опорных комплексов поиска информации в памяти, инвариантных для целых групп носителей языка. Инвариантность понимания текста обусловлена спецификой ассоциативного значения опорного слова.

Все вышеизложенное объясняет факт обращения к когнитивному подходу как возможному способу исследования закономерностей актуализации определенных когнитивных структур в переводческой деятельности формирующихся билингов.

Мы рассматриваем понимание как деятельность по интерпретации знаков культуры, и существование самой культуры полагается возможным лишь как перевод чувственных, когнитивных и прочих универсалий в образы, понятия, слова (поэтому эквивалентность может носить только условный характер). В основе процесса понимания лежит механизм эквивалентных смысловых замен, предполагающий сходство в функционировании механизмов восприятия и порождения речи. Сама речемыслительная деятельность работает по принципу функциональной системы, оптимизация которой происходит за счет действия законов результата и динамической мобилизуемости структур.

При этом когнитивная компетенция билингов как набор оптимизирующих стратегий по операциям с информацией является тем фокусом, в котором пересекаются переводческая деятельность и механизм понимания.

В процессе переводческой деятельности переводчик сталкивается с когнитивными структурами, не имеющими аналогов в его речемыслительной деятельности. Дискурсивные связи позволяют ему понять ментальное содержание речевого произведения (текста), но когнитивной структуры как операционального отношения между стабильными ментальными содержаниями и стабильными языковыми единицами в языке перевода нет. Поэтому в процессе понимания иноязычного текста активизируются и/или создаются механизмы, способы

¹ Герман И.А., Пищальникова В.А. Введение в лингвосинергетику. – Барнаул: Алтайский государственный университет, 1999. – С.9.

² Клюканов И.Э. Динамика межкультурного общения: Системно-семиотическое исследование. – Тверь: Тверской государственный университет, 1998. – С.68.

и средства порождения и репрезентации новых для данной лингвокультурной общности когнитивных моделей.

Возможность взаимопонимания в межкультурном диалоге определяется не только устойчивостью и универсальностью некоей «базисной» картины мира, о которой часто говорят в лингвистике и теории понимания, а именно *ni'awébeéié yúéi'áé ni'í'ni'ái'í'ndé* человека, позволяющей ему образовывать все новые и новые познавательные модели на основе имеющегося ассоциативно-апперцепционного содержания мышления, в том числе на основе интеграции познавательных моделей, схем, процедур, представленных в национально специфических языковых элементах.

Индивид способен формировать навыки операционального замещения исходных когнитивных структур когнитивной структурой другого этнического сознания, что по сути дела означает образование новых познавательных структур.

ОПЫТ АНАЛИЗА ПРОЯВЛЕНИЙ МОДАЛЬНОГО ЗНАЧЕНИЯ ВОЗМОЖНОСТИ В УЧЕБНЫХ ТЕКСТАХ

Шашкова В.Н.,

доцент кафедры английской филологии
Орловского государственного университета,
к.филол.н., доцент

Данная статья посвящена рассмотрению некоторых особенностей актуализации модального значения возможности (МЗВ) в текстах педагогического дискурса. В соответствии с разработанной процедурой анализа модального компонента текста (см. [Шашкова 2006]) мы приведем результаты анализа проявлений различных подзначений МЗВ на материале учебных текстов, отличающихся дискурсивными чертами.

Для определения характерных черт актуализации МЗВ потребовалось решить ряд частных задач, а именно:

- выявить тот круг подзначений возможности, которые далее будут подлежать отслеживанию в текстах, а также типичные контексты их актуализации и тенденции их проявления в различных функционально-смысловых типах высказываний;
- выявить устойчивые корреляции модального значения возможности с другими типами модальных смыслов, характерные для учебных текстов;
- обобщить результаты проведенного анализа и определить доминантные типы модальных подзначений возможности с учетом типовых контекстов их актуализации.

В качестве оснований аналитической программы исследования нами были выбраны два дополняющие друг друга подхода к рассмотрению модальности: функционально-семантический подход (А.В. Бондарко, Е.И. Беляева, В.С. Храковский, Н.С. Цейтлин и др.) и собственно текстовый подход (О.И. Москальская, И.Р. Гальперин, Г.А. Золотова, Л.А. Черняховская, З.Я. Тураева, А.Г. Баранов и др.). В совокупности оба эти подхода позволяют исследователю не только дифференцировать подзначения, охваченные общим семантическим признаком возможности реализации ситуации, обозначенной в пропозиции высказывания, но также позволяют проанализировать случаи актуализации исследуемого модального значения с учетом релевантных типологических характеристик текстов исследуемой дискурсивной природы.

Рассматривая сущность модальности возможности через призму *функционально-семантического подхода*, мы исходили из того, что исследуемый нами тип модальности соотносится с функционально-семантическим полем возможности, которое представляет собой систему подзначений и соответствующих языковых средств, выражающих данные подзначения. Подзначения выделялись нами в соответствии с 4-мя бинарными признаками, выделенными Е.И. Беляевой: (1) внутренний \ внешний; (2) актуальный \ узуальный; (3) деонтический \ недеонтический; (4) приобретенный \ неприобретенный [Беляева 1990: 132].

Сочетание этих признаков позволяет говорить о следующих подзначениях возможности:

- внутренняя приобретенная узуальная;
- внутренняя приобретенная актуальная;
- внутренняя неприобетенная узуальная;
- внутренняя неприобетенная актуальная;
- внешняя деонтическая узуальная;
- внешняя деонтическая актуальная;
- внешняя недеонтическая узуальная;
- внешняя недеонтическая актуальная.

К этому списку, опираясь на замечание А.В. Бондарко о том, что значения разных степеней достоверности, в частности, вероятности, полагания и допущения, бывают столь тесно связаны со значением возможности, что разделить их не представляется возможным [Бондарко 1990: 72-79], мы добавили т.н. «*эпистемическую возможность*», трактуемую не как синоним собственно достоверности, а как подзначение, в котором воедино слиты значения определенной степени достоверности и возможности.

В рамках *текстового подхода* категория модальности рассматривается нами как неотъемлемое свойство целого текста, который представляет собой сложный коммуникативный макроакт, состоящий из последовательности актов, функционально объединенных целевой доминантой. Таким образом, модальность обслуживает не только целый текст как макроакт, но и составляющие его микроакты, за каждым типом которых закреплены свои типичные модальные значения.

Так как цель проводимого нами анализа проявлений различных подзначений возможности состояла в том, чтобы выявить типовые контексты проявления данного значения для учебно-научной сферы общения и, соответственно, функционально-смысловые типы высказываний, в которых типично актуализируется исследуемое модальное значение, то мы обратились к двум сборникам учебных текстов, отличающимся дискурсивно специфичными параметрами. Случаи актуализации данного значения рассматривались на материале учебника по социологии для колледжей Charles A. Ellwood «Sociology and Modern Social Problems» и школьного учебника по истории Clementina Nang'ongwe, Dennis Kanyanja «History: Grade 8».

Оговорим, что при рассмотрении общей характеристики исследуемых нами источников мы ограничились рассмотрением тех параметров типологической дифференциации и описания дискурсивной принадлежности текстов, которые представляются минимально достаточными для определения взаимосвязи проявлений модального значения возможности и некоторых дискурсивных характеристик текстов исследуемого типа. Так, нами были рассмотрены следующие параметры: *сфера общения, типичный кортеж речевого общения, доминантные целевые установки, сценарные фреймы*, отражающие этапы развития взаимодействия, и их манифестация в композиции анализируемых сборников текстов, а также «*тематический репертуар*» (термин Т.А. Ван Дейка), понимаемый нами как совокупность тем в рамках предметной области, регламентируемая программными требованиями для каждого этапа обучения.

По первому критерию – *ĩbada ľai ľi ľe ě* – оба учебника можно без сомнения отнести к текстам педагогического дискурса. Собственно сфера общения в данном случае – это учебно-научная сфера. Мы преднамеренно включаем в название компонент «научная», т.к. первый учебник, в частности, предназначен для учащихся высших учебных заведений. Как известно, учебные тексты, ориентированные на аудиторию с уже имеющимся «багажом знаний», типично обладают чертами научных текстов.

Учебник «History: Grade 8» существенно отличается от учебника «Sociology and Modern Social Problems». Местом реализации этого учебника является средняя общеобразовательная школа, восьмой класс. Таким образом, в рамках единой учебно-научной сферы общения мы акцентируем внимание на таком параметре описания данной сферы как *ĩ ai ěi*

*A democratic type of the family in harmony with our democratic civilization must be evolved. But such a democratic type of the family **can** be stable only upon the condition that its stability is within itself and not without.*

3. Констатирующее сообщение в рамках контролирующей стратегии.

*You **can** do this task only applying the comparative method.*

4. Высказывания, констатирующие необходимость или целесообразность определенного поведения или указанных действий в рамках педагогического взаимодействия.

*Specifically, students **should be able** to explain the role that society and culture have in human survival. A student **should be able** to explain the link between language and the way we think and perceive the world around us.*

Кроме того, мы рассматривали те фазы педагогического взаимодействия, в пределах которых характерно реализуются различные подзначения модального значения возможности. Так, в частности, нами были выделены следующие прагматические целеустановки, реализуемые на соответствующих этапах педагогической деятельности:

- сообщение фактической информации по теме - 67% от всех случаев актуализации всех подзначений МЗВ;

- иллюстрация излагаемых положений - 12%;

- организация действий, обеспечивающих контроль усвоения - 9%;

- представление учебной темы - 7%.

Наиболее устойчивыми корреляциями между коммуникативно-целевой спецификой и особенностями актуализации МЗВ являются следующие типы взаимодействия: внутренняя приобретенная узуальная (не)возможность актуализируется в высказываниях, реализующих информирующую стратегию; внешняя недеонтическая узуальная (не)возможность типично актуализируется в высказываниях, реализующих объясняющую стратегию; немногочисленные случаи внутренней приобретенной актуальной возможности (2%) в обоих сборниках текстах актуализируются исключительно в высказываниях, реализующих организующую стратегию педагогического дискурса.

Применительно к выявлению типовых корреляций МЗВ с модальными значениями других типов анализ дал следующие результаты.

1. Одним из исходных постулатов исследования является то, что модальное значение **реальной возможности** типично сосчитается с таким подзначением комплексного значения «оценка степени реальности» как потенциальность реализации ситуации, обозначенной в пропозиции. Оговорим, что это не есть характерная черта *исследуемых* текстов, это универсальная особенность актуализации МЗВ. Но достаточно высокая частотность проявления возможности, которая отмечена в текстах, свидетельствует и об одновременно высокой плотности значения потенциальности в пределах значения «оценка степени реальности».

2. Важно отметить, что МЗВ часто коррелирует с различными подзначениями комплексного значения «оценка степени достоверности». Нами было выявлено, что наиболее характерным в этом случае являются сочетания возможности с подзначениями допущения и полагания. Например:

*It **could be argued** however, that early men **could** really group together for any higher purpose than their survival.* (допущение + эпистемическая возможность)

*It **would be preferable** however, if the white race **could** by education and other means substitute to some degree at least artificial selection for the miseries and brutality of the natural process of eliminating the unfit.* (полагание + внутренняя узуальная приобретенная возможность)

3. Принимая во внимание то, что в анализируемых текстах эксплицитное выражение часто получают разные виды ментальных модусов, в частности, модус полагания, нами было выявлено, что подзначения возможности в данных текстах регулярно актуализируются вместе с особым типом модальности, которую Е.В. Падучева называет модальностью ассоциированной пропозиции (модальность синтаксически подчиненной пропозиции) [Падучева 1996: 310]. Например:

Again, *it is evident* that a certain degree of adaptation **can** be secured through the constraint of government and law; but only a relatively low type of adaptation can be secured in such an external way.

4. Мы исследовали тексты педагогического дискурса, в которых традиционно наличествует дидактическая составляющая. Соответственно, были выявлены случаи корреляции ***ì íääèííí íã çí à:áí èý áí çí íæí íñò è*** и ***ì íääèííí íñò è í áí áóí äèì íñò è***. Например:

Not much need be said concerning the political condition of Afro-Americans. The movement to disfranchise Afro-Americans by legal means came in 1890 when the new Mississippi constitution adopted in that year provided that every voter should be able to read or interpret a clause in the constitution of the United States.

5. Кроме того, проведённый анализ позволяет сделать вывод о том, что в анализируемых текстах ***ì íääèííí í á çí à:áí è á áí çí íæí íñò è*** часто сочетается с ***ì íääèííí ùì çí à:áí è áí æ á è ò á è ííí íñò è***. Желательная ситуация рассматривается как возможная. Возможность в этом случае не получает эксплицитного значения при помощи модификаторов.

It would be preferable, however, if the white race could by education and other means substitute to some degree at least artificial selection for the miseries and brutality of the natural process of eliminating the unfit.

While it is undesirable, perhaps, to discriminate among immigrants on the ground of race, it would certainly be desirable to select from all peoples those elements that we could most advantageously incorporate into our own life.

В заключение необходимо отметить, что выявленные нами путем индуктивно-дедуктивного анализа подзначения модального значения возможности отнюдь не являются обязательными для всех типов текстов. Во многом результаты исследования обусловлены параметрическими признаками текстов, т.е. в ткани текстов другой дискурсивной природы или же в текстах данного дискурсивного профиля, отличающихся своими признаками, будут проявляться иные подзначения модальности возможности в других комбинациях, и удельный вес выявленных модальных ключей может быть относительно малым.

ЛИТЕРАТУРА

1. Беляева Е.И. Возможность // Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность. - Л.: Наука, 1990. – С. 126-142.
2. Бондарко А.В. Реальность/ирреальность и потенциальность // Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность. - Л.: Наука, 1990. – с.72-79.
3. Падучева Е.В. Семантические исследования (Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива). – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. – 464с.
4. Шашкова В.Н. Коммуникативно-целевая специфика и особенности модального плана текстов учебно-дидактического характера: дис. ... канд. филолог. наук: 10.02.19 – Орёл, 2006. – 224 с.
5. Ellwood, Charles (2002): A. Sociology and Modern Social Problems. – Missouri: Project Gutenberg, 267 p.
6. Nang'ongwe, Clementina, Kanyanja, Dennis (2005): History: Grade 8. - Lusaka, Zambia: the Directorate of Open & Distance Education Ministry of Education, 82 p.

*Сборник
материалов межвузовского научно-практического семинара
2 декабря 2011 г.*

В 3 частях

Часть 1

**ФОРМИРОВАНИЕ ЯЗЫКОВОЙ И СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ
КОМПЕТЕНЦИИ ОБУЧАЮЩИХСЯ: МЕТОДИЧЕСКИЙ
И ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ**

Технический редактор **М. В. Гревцева**

Свидетельство о государственной аккредитации
Рег. № 1089 от 15.08.11 г.

Подписано в печать __. __. 2011 г. Формат 60x90^{1/16}.

Усл. печ. л. _____. Тираж _____ экз. Заказ № _____.

Орловский юридический институт МВД РФ.
302027, Орел, Игнатова, 2.